

ИЗ
Армянской
поэзии

Переводы
В. ДЕРЖАВИНА

Издательство
"АНАСТАН. Ереван
1 9 7 2

Имя Владимира Державина, одного из лучших переводчиков армянской поэзии, широко известно всесоюзному читателю по его поэтическим переводам эпоса «Давид Сасунский», поэмы «Ануш» Ованеса Туманяна и др.

Предлагаемый сборник отражает некоторую часть творчества Державина, связанную с классической и современной армянской поэзией.

ИЗ ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»

БОЙ ДАВИДА С МСРА-МЕЛИКОМ

*

Военный клич Мсра-Мелика

Над тремя частями земли была у Мелика власть,
Но не был подвластен ему Сасун — четвертая часть.
Созвал меджлис Мелик. Сошлись за князем князь.
Принес корыто царь, поставил пред собой,
Рассек он бритвой лоб себе.
И кровь в корыто полилась.
И кровью той Мсра-Мелик
Написал боевой приказ:

«Полночным странам—мой бранный клич!
Восточным странам—мой бранный клич!
Южным землям — мой бранный клич!
Запад, к тебе мой бранный клич!
Полкам и войскам и войска вождам:
Все, кто носит оружие, да придут!
Война!

Спешите, пароны!

Летите лавиной,

С отвагою львиной

И силой великой!

Эй, широколобый,

Лопатоязыкий

Народ! В бой с неверным зову тебя!

Война! Война!

Мне многие множества смелых юнцов нужны для войны!

Мне многие множества вдовьих сынов нужны для войны!

Мне множества чернобородых бойцов нужны для войны!

Мне множества рыжих, как львы, удалцов нужны для
войны!

Мне множества белых как снег стариков нужны для
войны!

Нужны мне тьмы верховых на белых конях!

Ах! На белых конях!

Нужны мне тьмы верховых на рыжих конях!

Ах! На рыжих конях!

Нужны мне тьмы верховых на черных конях!

Ах! На черных конях!

Мне тысячи тысяч нужны, чтобы громко в трубы
трубить!

Ах! Громко в трубы трубить!

Мне тысячи тысяч нужны в мои барабаны бить!

Ах! Бить в барабаны! Бить!

Идите ко мне! Без числа я воинов пеших зову!

Ах! Пеших зову!

Летите, игиты! Идите за мной!

С неверным в бой!

Война! Война!»

Вот срок прошел, не столь велик;
Увидел Мсра-Мелик:
К нему войска идут со всех сторон.
И вышел к войску он
И громко песню спел:
«На добрых конях летят храбрецы.
Сто тысяч числом—пришли они!
Вот в черных усах спешат удалцы.
Сто тысяч числом — пришли они!
Вот в рыжих кудрях несутся бойцы.
Сто тысяч числом — пришли они!
Гремят барабаны, гремят, как гром.
Пришли семь царей из семи сторон.
Помощники мне в свирепой войне!
Пришли мои слуги! Война! Война!..»

Затмили даль войска пешком и на конях.
Стал передний отряд на речных берегах.
Коней напоил, реку обмелил.
А средний отряд до самого дна реку осушил.
Последний отряд даже камни на дне облизал,
Остался последний отряд без воды.
Вот войска стали станом на мсырских полях
И спросили Мелика: — Кто же наш враг,
На кого наших копий и сабель замах?—
Тот ответил: — Давид в сасунских горах!
Он мой враг: он убил много наших людей!
Помогите ж мне.
Должен я пойти покарать его!

Сон матери Мелика

А в эту ночь Исмил-хатун увидела три сна.
Отхлынул сон. Пошла она,
На ложе к сыну села, говорит:
— Сын, не ходи в Сасун;
Смотри, опасен для тебя Давид!
Мне в эту ночь приснился сон:
Угасала Мсыра звезда,
Засверкала Сасуна звезда.
И мне второй приснился сон:
В поле мсырский конь убежал,
Конь сасунский его настигал.
И третий мне приснился сон:
Сасунская земля была светла, тепла,
А здесь, над Мсыром, тучи шли,
Был мрак, был дождь и мгла;
И стал потоп, но кровь, а не вода текла
И трупы без числа несла.
Я молю — согласись со мной,
Не ходи на Давида войной! —
Мелик сказал: — Обманщица, молчи!
Спишь для себя, а сны ты видишь про меня!
Я должен истребить Сасун.
— Коль ты пойдешь, — сказала мать, —
И я пойду, мне не отстать. —
Сын молвил: — Ты женщина, ты не ходи. —
Мать ответила: — Нет, я иду, погляди!
Отобрала Исмил-хатун сорок женщин и сорок дев,
И две пары, чтоб на шаваре играть,
И две пары, чтоб на зурне играть.
Чтоб играли они, танцевали они,
Утешали ее в пути.

И вот Мелик войска повел
В Сасун. Сам впереди пошел.
В пределы Сасуна ввел войска.
Там, где шумит Лерва-река,
Он станом в поле стал.
И не было шатрам числа—
Так стан Мелика был велик.
Хвост войска влачился еще вдалеке,
Голова же собрала все камни в реке,
Запрудили реку....
Тогда Мелик письмо Давиду написал:
«Иду на вас войной! Иди, воюй со мной!
Иль опрокину я войска на город твой.
И всех мужчин у вас убью,
И город ваш сожгу, и крепость повалю,
До кровель кровью затоплю,
Сгною поля, возьму в полон!»

Овану принесли письмо.
Прочел Ован, сказал:
— Неужто он на нас идет войной?
Куда ж он столько войск привел?
Что ж делать нам?
Нет войск у нас! Как воевать?

Плачет Ован. По его бороде
Слезы горячие льются.
Сказал: — Нам может помочь только бог,
А больше никто не поможет!..

Прочли в Сасуне письмо, и ужас на всех напал.
Но Давид пока ничего не знал.

Дядя напивает Давида

Горлан-Ован прочел письмо
И Трусу Верго показал.
Когда Верго узнал,
Что Мсра-Мелик привел войска и на поле Лерва
Разбил шатры, тогда сказал Верго:
— Мы слабы, Ован! Не нам воевать с Меликом самим.
Обманем давай Давида: мы с ним
Устроим кутеж, его напоим,
Потом всех жен и дев возьмем,
Мелику со всем добром отдадим
И сами пройдем под его мечом, —
Быть может, над нами сжалится он. —
Горлан-Ован устроил пир.
Давиду много дали вина:
О семи ушках котел с вином
Принесли, поставили на стол.
Пришел на пир Кери-Торос,
Он молвил:
— Горячая кровь в ребенке! Боюсь,
Что силу свою он сгубит в бою.
Пусть он опьянеет, пусть дома сидит... —
Обратился к Давиду, сказал: — Лао!
Коль выпьешь ты весь вина котел,
Тогда ты и вправду Мгеров сын.
А коль не выпьешь — не сын ты емч. —
А тот: — Кері, котел наполни до краев! —
Кери котел наполнил до краев,
Давид к губам котел понес.
Пил, пил, до дна опустошил.
И выскользнул котел из рук.
А сам он вдруг так опьянел,

Что на пол упал, захрапел.
Тогда Торос в бубны забил, вскричал:
— Встаньте живей,
Котот-Мотот,
Ануш Котот,
Выжик-Мыхо,
Чынджга-Порик,
И Хор-Манук,
И Хор-Гусан,
И Сор-Виран,
Встаньте живей!
Нынешний день лучше всех дней!
Мы поглядим:
Малое — малым, большое — большим.
Или Мелику поможет бог,
Или, быть может, поможет нам! —
Тридцать восемь своих сыновей он созвал,
И скорей приказал он шатры увязать
На коней. Сыновей заставил седлать
Боевых скакунов. Сели все, понеслись.
Средь крутых холмов тридцать девять шатров
Он разбил.
Там решили станом стоять,
А с рассветом пойти на Меликову рать.
Душа у жены Тороса болит.
Она говорит: — Тороса убьют,
Сынов и племянников наших убьют
И к нам придут и нас убьют,
Под корень подрубят, в щепу разнесут. —
В изголовье Давидовом села она.
Обожгли ее слезы Давиду лицо.
Давид проснулся, сел, спросил:
— Нанэ! Бог тебя храни!

Как ты можешь плакать, пока я жив?—
А она: — Ах! Лао Давид, сатана тебя задави!
Ты Мелика войско разбил,
А Мелик в сто раз более войска привел.
А с ним на бой Кери пошел.
Мелик Торосика убьет,
Придет и всех нас убьет,
Под корень нас подсечет,
В плен возьмет, во Мсыр уведет! —
Тут Давид рассердился так,
Что пропал и сон и хмель.
Он встал, свой лук и стрелы взял.
Сказал: — Не бойся, жди меня, нанэ!
Мелик сейчас ответ получит от меня. —
И вышел прочь.

Давид узнает о нападении Мелика

Пришел Давид к Овану, сказал:
— Дядя! Дай мне коня и меч, чтоб идти на бой! —
Ован говорит: — Иди и бери
В конюшне любого коня,
А меч любой со стены.—
На Давида с усмешкой Верго поглядел
И сказал: — Давид! Как Мелика убьешь,
Отруби ему ухо и мне привези! —
Скрепился Давид, промолчал.
Взял Давид на конюшне одра,
Взял тупой и заржавленный меч,
Поехал на одре.
Вновь старуха предстала пред ним
И кричит: — Эй, Давид! Ты, сыночек, куда?—

Говорит ей Давид:—На Мелика иду—воевать. —
Старуха смеяться над ним начала:

— Ты будешь хорош,

Коль с этим старьем на битву пойдешь!

Ты все ж на отца никак не похож. —

Рассердился Давид, спросил у нее:

— Так с чем же мне выйти на бой?

Ну, дай мне вертел или кочергу,

И тогда я пойду! —

А та говорит:— Ты свет моих глаз, сыночек Давид,
Позволь мне сказать два слова тебе, а там поезжай.

— Что ты, старая, скажешь? Скорей говори. —

И старуха сказала ему:

— Иль не было у твоего отца Молнии-Меча?

Иль не было у твоего отца Джалали-коня?

Иль на ногах жеребца не было подков стальных?

Иль не было у жеребца перламутрового седла?

Иль не висела на седле пара стремян золотых?

Иль не было у жеребца кованой стальной узды?

Иль не было у твоего отца аксамитовой капы?

Иль не было у твоего отца боевого шишака?

Иль не было у твоего отца золотого пояска?

Иль не было у твоего отца шаровар парчовых?

Иль не было у твоего отца двух сапожек цветных?

Иль не было у твоего отца на деснице Креста побед
боевых?

— Где ж все это лежит? — спросил Давид.

Старуха ответила: — Дядя твой

Все спрятал и проклял того,

Кто укажет тебе, где отцово добро.

Коль скажу я — проклятье падет на меня.

Но если теперь так трудно тебе

И пришел Мелик, чтоб сразиться с тобой, —

Ты доспехи отца у Ована спроси.
Но знай: добро отца не отдаст добром,
Бери за шиворот его, тряси,
Пока неволей не отдаст.

Тотчас к Овану вернулся Давид,
За шиворот схватил его, потряс,
Приподнял с земли, встряхнул еще раз
И молвил ему:

— Отдай мне Молнию-Меч отца!
Отдай мне отцовского жеребца,
Сталью подкованного Джалали!
Отдай перламутровое седло!
Отдай мне пару стремян золотых!
Отдай мне кованую узду,
На коня Джалали я надену ее.
Отдай мне шлем моего отца!
Отдай золотой поясок отца!
Отдай мне капу моего отца!
Отдай парчовые шаровары отца!
Отдай сапожки цветные отца!
Отдай Ратный крест с десницы отца!

Но знай: если все не отдашь добром,
Я кверху дном весь дом подыму,
Найду и возьму! —
Вздыхнул Ован, сказал:

— Сгинь же тот, кто тебе эту тайну открыл!
Как узнал бы ты? Кто-то тебя подучил.
В тот год, как умер брат мой Мгер,
Я одежды его под порогом зарыл.
Что ж, пойдем. Я отдам. —
Отдал платье Ован.

Домой принесли, оделся Давид;
Одежда была ему велика.
И молвил Ован: — Давид, мой родной,
Доспехи я скрыл глубоко под домом в большом
погребу.

Ты сорок крутых ступенек пройдешь
И там под землей
Доспехи отца твоего найдешь.
Коль вынесешь их — и в бой ты хорош.
Но не суйся в бой, коль их не возьмешь! —
Не тот был Давид! Он в погреб сошел,
Глядит он: висят доспехи отца.
Он их обхватил, взвалил на плечо,
Понес и принес к Овану на свет.
Ован обрадовался, увидав его,
Сказал: — Авось, теперь заменит Мгера он!
Я Мгеру брат и то не мог доспехи его подымать.
А мальчик поднял и принес.
Горлан-Ован сказал: — Давид,
Со дня, как умер твой отец, и по сей день
Коня Джалали я держу взаперти
В конюшне большой,
Камнем дверь заложил.
Корм и воду ему через кровлю даю.
Боюсь, что коня похитит Мелик,
Гулять не вожу, в конюшне держу.

Повел племянника Ован,
Издав конюшню показал,
И сказал: — Там стоит конь отца твоего,
Если можешь, иди и коня выводи. —
Давид от двери камень отвалил,
Дверь распахнул, без страха внутрь шагнул.

Как увидел Давида Джалали,
Доспехи Мгера он узнал
И радостно заржал.
Вот подошел Давид, за гриву взял коня,
Протер глаза коню, погладил, обласкал.
Обнюхал конь его, заплакал конь.
Взял, вывел скакуна Давид на свет;
Увидел Джалали, что перед ним не Мгер,
Копытом оземь грянул конь,
И брызнул из земли огонь.
По-человечески скакун заговорил:
— Ты прах, и в прах я тебя обращаю!
Что ты будешь делать со мной? —
А Давид сказал: — Сяду я на тебя! —
Джалали говорит: — Я тебя в высоту подыму,
Об солнце ударю, сожгу! —
А Давид говорит: — Я перевернусь
И спрячусь тебе под живот! —
Конь сказал: — Я на горы тогда упаду.
Разобью, искромсаю о скалы тебя! —
И Давид говорит: — А я повернусь
И на спину сяду тебе! —
Конь сказал: — Если так,
Ты — хозяин, а я твой конь. —
И ответил Давид коню:
— Не имел ты хозяина — я стану им!
Не кормили тебя, не поили — я стану кормить и поить.
Не скребли тебя и не мыли — я стану скрести и мыть. —
И молвил Давид Овану: — Отдай
Перламутровое седло! —
Тот седло принес и сказал про себя:
— Каждый раз, как Мгер Джалали седлал,
Как подпруги затягивал он,

Каждый раз на дыбы коня подымал.
Коль подымет Давид коня на дыбы,
Он может идти на бой,
Не подымет коня — не может идти. —
Стал Давид седлать Джалали,
За подпругу Давид потянул,
Разом ноги коня от земли оторвал.
И Давид Овану сказал:
— Дай мне Ратный крест отца моего! —
Дядя молвил: — Дать не могу.
Коль достоин его — он пристанет к деснице твоей.
Недостоин его — не пристанет к деснице твоей! —
По велению божьему тут
Крест Ратный к деснице Давида пристал.

Давид идет сражаться за Сасун

Сел Давид на коня Джалали,
Велел играть на сазе отца.
Затрубил в его Пыглори-трубу.
Раза два проехал мимо крыльца.
Все — и стар и млад — поглядеть пришли.

Внимательно на него Горлан-Ован поглядел.
Заныло сердце его, и горестно он запел:
«Жаль тысячу раз! Расставаться жаль!
Расставаться жаль с Джалали-конем.
Ах, хала, с Джалали-конем!
Расставаться жаль с дорогим седлом.
Ах, хала, с дорогим седлом!
Сбрую жаль терять в наборе стальном.
Ах, хала, в наборе стальном!

Жалко отдавать боевой шелом.
Ах, хала, боевой шелом!
Жаль терять капу, что лучше других.
Жаль мне пояска из блях золотых.
Ах, хала, из блях золотых!
И еще мне жаль сапожек цветных.
Ах, хала, сапожек цветных!
Жаль мне, жаль Креста побед боевых.
Ах, Креста побед боевых!»

От обиды света не взвидел Давид.
Он схватился в гневе за меч.
Дядю он хотел ударить мечом.
Но Горлан-Ован запел:
— Мне Давида жаль, мне родного жаль!
Ах, хала, мне родного жаль!
Мне оленя жаль, молодого жаль,
Что уходит из дому вдаль!
Как пропел Ован: «Мне Давида жаль»,—
Давид сказал: — Дядя мой!
Это слово жизнь тебе спасло,
И, не пропой ты его,
Я бы голову снес тебе!
Я за слово — жизнь тебе подарил.
Что ж ты сначала пожалел седло и коня,
А потом уж меня?
Ты меня бы должен был пожалеть сперва!
Молнию-Меч тебе жаль иль меня?
Пояс из блях тебе жаль иль меня? —
Дядя молвил: — Давид, ненаглядный ты мой!
То я слезы лил по тебе. —
Слез с коня Джалали Давид,

Овану руку он поцеловал, сказал:
— Пусть я буду достоин твоих забот!

Едва Ован те слова услышал —
На Мгеровом сазе велел он играть,
Во Мгеров бубен велел грохотать,
Во Мгеровы трубы трубить приказал.

Подошли молодницы и славу пропели Давиду:
«Не разлуки с тобой мы хотим,
О брат наш Давид!
Возвращенья тебе мы хотим,
О брат наш Давид!
Не ухаживали до сих пор
Мы, Давид, за тобой!
Но мы будем ходить с этих пор
За тобой, наш Давид!
Будем холить тебя и беречь,
О брат наш Давид!
Будем на руки воду лить
Тебе мы теперь,
Сапожки на тебя надевать,
О брат наш Давид!»
Обернулся Давид, вскочил на коня,
И к богу он воззвал,
Обернулся Давид — горожанам отдал поклон,
Поселянам отдал поклон,
Мужчинам и женщинам отдал поклон и сказал:
— Братья и сестры! Не бойтесь врагов.
Иду я за вас с Меликом на бой.
Сестры! Вам — добро оставаться,
Все вы сестрами были мне.
Матерям — добро оставаться,

Матерями вы были мне.
Добрым соседям — добро оставаться.
Старым и малым — добро оставаться.
Часто, соседи, был я вам в тягость,
Не поминайте лихом меня!
Хозяйки добрые, хлеб затевая,
Вспомните имя мое!
Вы тоже, юноши, пир начиная,
Вспомните имя мое!
Мои сестры! Матери! Братья мои!
Прощайте, иду сражаться за вас!

А когда говорил Давид,
У бабки его Дехцун-Чух-Цам
Исполнился давний обет.

Со дня, как умер Мгер, ее сын,
Она заперлась за семью дверьми,
Только служанка у ней была,
Приносившая пищу ей.
Когда велел Ован играть на Мгеровом сазе большом,
Бабке служанка обед несла.
Спросила Дехцун-Чух-Цам:
— Струны Мгерова сазы — я слышу — звенят!
Что же случилось там? —
Служанка молвила: — Ханум, иль ты не поняла?
Встал Давид, надел одежду отца,
Доспехи отцовы надел,
И сел на Джалали Давид.
Это саз отцовский звенит,
Идет Давид на Мелика!

И Дехцун-Чух-Цам тогда с места поднялась.

— Давнее желание мое,
Ты исполнилось — иду: на свет! —
Пошла взглянула из окна
И видит: юноша Давид
На Джалали сидит.
Воскликнула: — Джалали, мой родной! —
Удивился Давид, глядит.
А Дехсун-Чух-Цам говорит: — Джалали!
Без отца Давид — будь отцом ему!
Без матери Давид — будь мамой ему!
И без брата Давид — будь братом ему!
Ты к Молочному ключу отца Давида умчи,
Пусть напьется из ключа Давид, потом отдохнет.
Пусть поедет затем Давид к испытаний столбу,
И пусть там испытает меч Давид.
Тебе, мой Джалали, вручаю я Давида! —
Конь голову склонил:
— Добро, мамик! — сказал.
Давиду крикнула тогда она:
— Давид, отец твой указал коню
Все тропы, все пути,
Все знает Джалали.
— Добро, мамик! — молвил Давид.
И умчал Давида скакун Джалали.

Давид пьет из молочного источника

Давида конь помчал в отцовский Цовасар.
Когда Давид пустился в путь,
Такой густой туман на землю пал,
Что было пути совсем не видать.
Но, как голубь, летел Джалали сквозь туман.

— Что ж, это дело божьих рук! — Давид говорит. —
И лучше волю дать сейчас коню Джалали:
Куда захочет — пусть бежит.

То был Джалали! Он летел и летел
И путь семидневный за час совершил.
Поднялся на темя горы,
На вершину горы прискакал и стал.
И вдруг разлетелся туман.
Конь на колени стал у родника.
Давид решил, что Джалали устал,
И так сказал: — Ах-вах, Джалали,
Лучше б шею себе ты сломал!
Я думал, через кровавые реки
Меня ты перенесешь,
А ручеек на пути повстречался,
И ты на колени встаешь.
Что ж ты будешь делать в бою,
Если здесь боишься ручья?
Как же я на Мелика с тобою пойду?—
Стременами Давид ударил коня,
Ребро ему сломал.
И в гневе конь сказал:
— На солнце я тебя могу сейчас швырнуть,
Но ради Мгера — пощажу! —
Давид рассердился, схватился за меч,
Хотел зарубить коня.
Вынул наполовину меч из ножен, —
Свежий ветер тогда вдруг обвеял его;
Он опомнился, голос коня услышал.
Конь сказал:
— Здесь Молочный источник Мгера!
Слезь и испей воды.

И горсти две воды брось на мои бока. —
Давид сошел и в лоб коня поцеловал,
Смочил ему бока водой из родника
И на траву коня пастись пустил.
Сам напился из родника,
Умылся, лег, уснул.
Стал против солнца Джалали
И над Давидом простер свою тень.
Проснулся — и чует Давид,
Что он стал могуч. Одежда отца
Сделалась тесной ему.
Конь заржал, словно гром загремел, подбежал.
Давид взнуздal его, сел на него,
Засмеялся и поскакал.

Глядит Давид — железный толстый столб
Среди пути стоит.
И конь сказал: — Давид,
Вот этот столб, что видишь ты,
Столб испытанья Мгера.
С размаху разрубишь — пойдем воевать,
А не разрубишь его — не пойдем. —
Меч выхватил Давид, ударил по столбу,
Меч-Молния тот столб рассек.
Так быстро рассек его Молния-Меч,
Что столба отсеченный кусок не упал,
Остался кусок на куске.
А Давид и не знал, что он столб разрубил.
Огорчился Давид,
Увяло сердце в нем, и он сказал:
— Ноги! Были б слабыми вы —
Никогда б сюда не дошли,
Чтоб мне по столбу не бить —

Не увяло б сердце мое!
Руки! Были б слабыми вы
И не смели б взяться за меч,
Чтобы Мгеров столб разрубить, —
Не увяло б сердце мое!
Очи! Были б темными вы —
Вы не видели б этот стыд,
Что я столб не мог повалить,
Что с Меликом не биться мне.
Вдруг ветер налетел, завыл,
И вихорь взвил.
Как буря был, внезапен был.
Ударил он в железный столб
И столб свалил.
Давид глядит и видит гладкий срез,
Где столб он разрубил.
Заликовал, сказал:

— Вечно зеленеть ногам,
Быть бы им еще резвей
За то, что я столб железный рассек!
Вечно зеленеть рукам,
Быть бы им еще сильней,
Чтоб живым от них не ушел Мелик!
Это видевшим глазам
Не погаснуть ввек!

Сказал, погнал коня.
У тех камней, холмов и гор, и родников
Прощенья попросил
И так им с пеньем говорил:

— Как бог, творящий добро,
В щедротах неиссякаемы вы.

Эй! Студеные родники Цовасара,
Отрадными оставайтесь вы!
Буду жаждать в бою, принимая удары,
В тоске обо мне оставайтесь вы,
Прохладные ветры Цовасара,
Отрадными оставайтесь вы!
Буду полон я томленья и жара, —
Прохладными оставайтесь вы!

Давид вступает в бой с войсками Мелика

Умолк. Погнал коня на войско Мсра-Мелика.
Он видел — есть небесным звездам счет,
А тем шатрам арабским счета нет.
Стал на горе Давид.
Глядит — несметнее морских песков кишат войска.
Он головою покачал, сказал:
— Боже мой, как же мне с громадой такой воевать?
Будь они даже стадом весенних ягнят,
А я был бы голодным львом —
Я не смог бы всех задрать, растерзать!
Когда б я пожаром стал,
А стенами стали шатры —
Я б не смог их испепелить, пожрать!
Если б пеплом стали они,
А я ураганом стал —
Я не мог бы их поднять, разметать!

Джалали угадал его думы; сказал:
— Эй ты, малонер! Отчего твой страх?
Скольких твой меч срзсит,
Стольких я своим огненным дыхом спалю.

Сколько твой меч сразит,
Столько грудью я повалю.
Сколько твой меч сразит,
Столько копытом я раздавлю.
Не унывай, гони меня!
Лишь не разлучайся со мной.

От этих слов окреп душой Давид.
Он поскакал. Кюню сказал:
— Стой! Я предупрежу сперва,
А после — нападую. —
И Давид со скалы закричал: — Эгей!
Эй! Кто спит — поскорей вставай!
Кто проснулся — коня взнуздай!
Кто взнуздав — свой меч надевай!
Кто с мечом — на коня влезай!
Не говорите потом, что Давид,
Как вор, пришел и ушел тайком.

Умолк Давид. Ворвался в стан.
Рубил, рубил и говорил:
— Скачи, мой конь, скачи!
Рази, мой меч, рази!—
Мечом рубил, конем давил,
Кровавый поток телà уносил.

Кери Торос взглянул
На войско Мсра-Мелика.
И видит он — среди войск
Смятение; со всех сторон —
Тревога, вопль и стон.
Друг друга люди топчут, бьют.
Тогда сказал Кери-Торос:

— Ну, други, подымайтесь — с нами бог!
Резня пошла в войсках Мсра-Мелика.
Нагрянем снизу мы на них! —
Так сверху, в лоб, арабов бил Давид,
А снизу, в тыл, их бил Кери-Торос.

В войсках Мелика был араб-старик,
Отец семи сынов.
Его и семерых сынов его
Насильно на войну пригнал Мелик.
Идет старик,
Кричит: — Ай-вах! Ай-вах! —
И без оружия, с открытой головой,
Он выступил из гущи войск,
Сказал: — Дорогу мне! К Давиду я иду,
Ему я все скажу, спасу от смерти вас! —
Пришел, перед Давидом стал,
Сказал: — Давид, сыночек мой!
Удержи коня, послушай меня,
Я слово тебе скажу.

— Что ты, дедушка, скажешь? — спросил Давид.
Старик сказал: — Давид, мой дорогой,
Ведь это — люди, существа живые!
За что ты губишь их?
Ведь жены дома есть у них,
И дети есть у них...
Ты их перебьешь, а грех их детей
Повиснет на шее твоей.
Все они — обездоленный, бедный люд.
Это войско несчастное ты пожалей!
Тот — опора матери старой своей,
Тот — женился недавно и пригнан сюда,
Тот — оплот и надежда бедной семьи,

Тот — родителей престарелых звезда.
— Зачем же воевать со мной они пришли? —
Старик сказал: — Что ж было делать нам?
Мелик насильно нас привел.
Мы не враги тебе. Твой враг — Мелик,
Иди и с ним воюй!
— А где ж Мелик? — спросил Давид.
— А вон, смотри — в зеленом том шатре он спит.
Златое яблоко над тем шатром блестит.
От Мелика мух отгоняют семь дев,
Дым, что клубится над шатром,
Ведь то не дым,
То изо рта Мелика пар валит.
Коль ты убьешь его, Давид,
Молиться будут за тебя бойцы.
Они домой уйдут, где ждут их дети и отцы.

И сжалился тогда Давид,
Убийства прекратил
И молвил: — Ну, старик,
Хорошее слово ты мне сказал,
Исполню слово твое!

Мелик заманивает Давида в западню

Давид примчался. Пред шатром
Он осадил коня.
Глядит: лежит Мелик в шатре
На тюфяке, укрывшись одеялом.
Семь дев от него отгоняют мух,
Семь дев чешут пятки ему,
А мать в изголовье сидит, за ними следит.

А двое арабов-слуг у дверей стоят.

— А ну, разбудите его! — арабам Давид говорит. —
И пусть он выйдет из шатра. —

Ответили они:

— Нельзя его будить. Он должен спать семь дней.

Три дня он спит. Еще проспит четыре дня

И встанет сам. —

Давид сказал:—Не буду я

Ждать, покамест выспится он,

Мне наплевать на сон его.

Пусть выйдет он ко мне!

Коль смерти нет — я буду смерть!

Коль ада нет — я буду ад!

Я усыплю его великим сном!

Вот вертел раскалили,

К ногам Мелика приложили.

— Уф, девушки! — сказал Мелик, —

Вы плохо постелили мне,

Блоха меня укусила во сне. —

И снова Мелик захрапел.

От плуга лемех взяли, раскалили,

К ногам Мелика приложили.

Сказал: — Уф! Сколько блох в постели у меня!

Кусаются, поспать не дают! —

Тут не стерпел Давид, копьём взмахнул,

Меликову пятку копьём проткнул

И закричал:—Вставай, Мелик! Довольно спать!—

Мелик сказал: — Уф, уф!

Подремать, успокоиться мне не дают! —

Поднялся, сел.

Ручищу он на веко положил,

Продрал глазища—выглянул наружу;

Глядит, а пред его шатром Давид
Сидит на Джалали верхом,
Весь кровью обагрен.
Едва узнал Давида Мсра-Мелик,
Натужился, подул, чтоб с места сдуть его,
Но не шелохнулся Давид.
А Мсра-Мелик ослаб на сорок буйволовых сил.
Давид сказал: — Я пришел сразиться с тобой.
Захохотал Мелик:

— Ах, черт тебя возьми, Давид-Заика!
Ты всадником давно ли стал?
Но раз уж ты стоишь перед моим шатром,
Сойди с седла, войди сюда,
Помиремся, поговорим.
Здесь отдохнем, а бой начнем потом!

Давид ответил: — Не сойду!
Людей невинных ты сюда пригнал
И бросил их на смерть.
А мы с тобою будем отдыхать?
Нет, выходи на бой! —
Тогда пришла Мелика мать,
Сказала: — Ты, Давид, в пути устал!
Сойди с коня, сядь, отдохни.
Поборитесь потом! —
Просила долго мать. Решился слезть Давид с коня.
Отпрянул конь. Он мудрый был, все понимал.

Яму в сорок гязов глубиной
Выкопал в шатре Мелик,
Яму сеткой железной накрыл,
Сетку сверху ковром застелил,

Чтоб Давид пришел и сел,
И в яму упал.

Сошел Давид с жеребца Джалали,
Встал конь на дыбы, ускакал,
Убежал на вершину горы...
Давида посадили на коверъ
Дырымб!.. Он в яму полетел!
Железная с кольцами сеть
Натянута в яме была,
И в кольца те попал Давид
И вырвать рук и ног из них не мог.
Мелик накрыл его решеткою стальной
И мельничные жернова
На ту решетку навалил, сказал:
— Ай, страшно! Давид Сасунский пришел,
Захотел Мелика побить!
Сасунский Давид-Заика пришел,
С Меликом в бой вступить он захотел, ай-ай!
Так пусть он там сидит, покуда не сгниет!—
Наступила ночь, Мелик улегся спать.
Остался в западне Давид.

Пускай в той яме Давид сидит.
А теперь о ком мы весть дадим?
О Горлане-Оване весть дадим.

Клич Ована

В ту ночь Горлан-Ован увидел сон:
Сияла мсырская звезда — светла, ясна,
Сасунская звезда была темна.

Ован проснулся и сказал: — Скорей вставай, жена!
Мсырская звезда светла была,
Сасунская звезда темна.
Я клянусь — мы теряем Давида! —
Сариэ сказала: — Бог, обрушь твой дом!
Ты засыпаешь для себя, сны видишь про других.

Опять заснул Горлан-Ован,
Вновь он увидел сон:
Мсыра звезда ярко-светлой была,
Почти угасала Сасуна звезда.
Ован проснулся и сказал: — Скорей вставай, жена!
Снилось мне: засверкала Мсыра звезда
И совсем угасала Сасуна звезда. —
Сариэ сказала: — Обвалятся твой дом,
И чего ты не спишь, старик?
Что ты мне поспать не даешь?

И вновь заснул Горлан-Ован,
И снова он увидел сон.
Он видел: примчалась Мсыра звезда
И проглотила Сасуна звезду.
И закричал Ован: — Жена, вставай, Давид убит! —
Сариэ сказала: — Замолчи!
С какою женщиной — как знать — сегодня спит Давид?
И откуда мне знать, где он пьет? —
Рассвирепел Горлан-Ован,
Ударил он жену,
Сариэ вскочила, свет зажгла.
Ован сказал: — Подай доспехи мне. —
Жена их принесла, надел Ован.
Завернулся в семь воловьих шкур Ован
И семью цепями обмотал себя,

Чтоб не лопнуть, как начнет кричать.

Пошел, конюшню отворил,

На спину белого коня ручищу положил, —

Упал на брюхо белый конь.

Ован спросил: — Эй, белый конь!

Когда до поля боя Давида ты домчишь меня?

— До полдня, — молвил конь.

Горлан-Ован сказал:

— Пусть корм, что я давал тебе,

Не впрок тебе пойдет!

Что там до полдня я найду — Давида или труп? —

Пошел Ован,

На спину красного коня ручищу положил, —

Упал на брюхо красный конь.

Ован спросил: — Эй, красный конь!

Когда до поля боя Давида ты домчишь меня?

— До утра, — конь проржал.

Сказал Горлан-Ован:

— Пусть множество моих забот

Не впрок тебе пойдет!

Что там до утра я найду — Давида или труп?

Пошел Ован,

На спину черного коня ручищу положил, —

На брюхо не рухнул черный конь.

В лоб черного коня поцеловал Ован,

Сказал: — Эй, черный конь!

Когда до поля боя Давида ты домчишь меня? —

Ответил конь:

— Коль удержаться сможешь ты на мне,

В стремя вступив левой ногой,

То раньше, чем правую ногу ты над седлом занесешь,

Я тебя до поля боя домчу! —

Садиться стал Ован на черного коня:
Он в стремя встал одной ногой,
Пока другую он занес через седло,
Взметнулся конь —
Был огненный! — и долетел
До темени горы Лерва.

Когда Джалали Горлана-Ована узнал,
Заржал, к Овану подбежал.
Испугался Ован, сказал:
— Убит Давид, а конь Джалали
По горам и ущельям один ускакал!
Встал на стремя Ован, закричал:
— Эгей! Давид, где ты? Эгей!
Великую вспомни Марута!
Вспомни ты Ратный крест,
Что на деснице твоей.
Вставай, встряхнись!

Ован кричал: как гром гремел.
Зов услышал Давид,
И он сказал: — Ай-ай!
Дядя мой пришел за мной,
Он зовет меня...
Эх!.. О великая Марута!
О Ратный крест на правой руке!
Молю вас, помогите мне, прибавьте силы мне.

Встряхнулся, рванулся в кольцах Давид, —
Вместо ямы открылось поле перед ним.
Цепи и кольца до неба взвились,
Поднялись жернова, в облака унеслись,
Каждый жернов по сорок душ раздавил.

Давид из ямы вышел, молвил он:
— Не вздумай больше ты со мной хитрить, Мелик!
На рассвете как мужи поборемся мы! —
Мсра-Мелик не смел к Давиду подойти.
Пошел Давид искать коня.
Вновь закричал Ован: — Давид! Сюда! Сюда!
Давид пошел на зов, к Овану он пошел.
Но конь Джалали подойти не хотел...
Взмолился Давид к коню Джалали,
Тот двинулся с места. Сел Давид на него;
Овану сказал:
— Ты, дядя, ступай домой,
А я с Меликом биться пойду!

Б о й

К Мелику прискакал Давид, сказал:
— Мелик! Ты обманул меня вчера.
Что будешь делать ты теперь?—
Ждет Давид, держит руку на палице.
Как увидел Давида Мелик,
Задрожал он от страха, сказал:
— Давид родной, иди посиди! —
Но ответил Давид: — На бой выходи!
Тогда Мелик велел
Коня Кейлана привести.
К Мелику подвели коня,
Сел на коня Мелик, примчался на майдан.
Раза два проскакали по полю они,
И Мелик у Давида спросил:
— Как нам биться — сразу или чередом?
— Как угодно душе твоей, — молвил Давид.
И Мелик говорит:

— Я хочу чередом:
Пусть трижды один ударит сперва,
Пусть трижды второй ударит потом.
Решим — кто первый будет бить. —
Давид сказал: — Ты — старший. Первый бей!

На землю слез Давид с коня,
Средь поля стал. Сказал:
— Бей! Очередь твоя.
Трижды ударь меня. —
Взял палицу свою Мелик,
К Фаркену поскакал,
И, миновав трехдневный путь,
Коня поворотил,
И, на Давида налетев,
С разгону палицу пустил.
Земля загудела, взвыла, как пес от удара.
Как под плугом, что сорок волов волокут,
Распоролась, взрыхлилась земля.
Мгла и облака пыли и небо и землю закрыли,
Эта пыль, эта мгла и за сутки осесть не могла.
Крикнул Мелик:—Ты землей был, Давид,
И я тебя в землю опять превратил! —
Но Давид отвечал: — Я пока еще жив!
Это первый удар. Ударь еще раз!
— Ай, ай! — сказал Мелик. —
Видно, короток был мой разбег,
Был у палицы мал размах,
Чтоб Давида сравнять с землей! —
Вновь повернул коня Мелик,
Диарбекира достиг.
На Давида оттуда Мелик налетел,
И в Давида он палицу с маху пустил.

Загудела земля, словно лев зарычал.
Разовалась земля, словно ливни размыли ее.
Мгла и облака пыли и небо и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.
Два дня и две ночи пыль над Давидом стояла.
И спросил Мсра-Мелик: — Эй, Давид! Жив ли ты?
Ты был землей и стал землей!
Но Давид отвечал: — Я пока еще жив!
То второй удар. Ударь еще раз!
— Эх, эх! — сказал Мелик, —
Был мал разбег моего коня!
Был размах моей палицы, знать, невелик,
Чтобы разом Давида убить! —
И снова ускакал Мелик,
До Мсыра доскакал,
От Мсыра разогнал коня
И грянул палицей в Давида.

Словно под громом весенней грозы
Вздогнула земля,
Словно от землетрясения
Задрожала и затрещала земля,
Облака пыли и мгла небо и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.
Над Давидом три дня и три ночи плыли
Облака пыли и мгла.
Мелик сказал: — Убит Давид,
Раздавлен палицей моей.
Он был землей и стал землей! —
На третий день, лишь мгла от земли отошла,
Стал на место Давид на коне Джалали,
Сказал: — Ты три удара мне нанес,
И очередь моя теперь.
— Тьфу! — говорит Мелик. — Дай я еще сражу!

— Нет! — отвечал Давид. — Куда тебе идти?
По уговору — мой черед!
Мир держится порядком иль насильем?—
Пришла Мелика мать, Исмил-хатун,
И говорит: — Давид! Мелик — твой брат,
Не поступай вероломно с ним!
— Мать! Я не поступлю вероломно с ним,
Честно я три удара ему нанесу! —
Мелик сказал: — Давид, прошу тебя,
Дай срок,
Пусти, я лягу под шатром,
Ты бей меня тогда. —
Давид ему: — Поди ложись. Но ты скажи сперва:
Чем тебя мне ударить — палицей иль мечом?—
Мелик подумал так:
«Коль эдакой палицей грянет Давид,
Возможно ль вынести удар?»
И вслух сказал: — Ударь мечом!

Пришел Мелик в шатер и матери сказал:
— Трижды я ударил его, —
С ним не сделалось ничего.
Теперь Давид придет и здесь меня убьет. —
А мать ему: — Сын! В яму полезай...—
Спустился в яму Мсра-Мелик.
Вот сорок буйволовых шкур взвалили на него.
Огромных сорок жерновов взвалили на него,
Накрыли одеялом жернова.
Мелик ухмыляется, в яме сидит.
«Ну, — думает, — пусть ударит Давид!»
Все угадал Давид — не проведешь его.
Пришел он, видит гору жерновов.
Высоко жернова лежат над краем ямы,

Под одеялом будто бы Мелик.
Но знал Давид, что он не так велик.
И тут же мать его стоит.
Но не сказал Давид, мол, дайте поглядеть.

Вскочил Давид на Джалали,
До Цовасара доскакал
И вскинул Молнию-Меч,
Назад коня погнал,
Чтоб нанести удар.
Тогда Исмил-хатун открыла грудь свою
И преградила путь и говорит: — Давид!
Я кормила тебя! Я растила тебя!
Ты за это мне первый удар подари! —
Давид спросил: — Марэ! Почему ж до сих пор,
Как удары Мелика обрушивались на меня,
Ты ни разу не молвила: «Сын, подари мне удар?» —
И опустил свой меч Давид, взмахнул им, поиграл,
Потом поцеловал клинок,
И приложил ко лбу, и молвил: — Мать!
Первый удар тебе я дарю! —
И снова ускакал Давид
И вновь принесся с гор, чтоб нанести удар.
Сестра Мелика преградила путь:
— Давид! Когда ты был дитя,
Я нянчила тебя, играла я с тобой;
Подари мне этот удар! —
Вновь опустил свой меч Давид —
Два раза им взмахнул,
Поцеловал клинок
И, приложив его ко лбу, сказал:
— Второй удар тебе дарю!
Остался лишь один удар — да бог, да я!
Убью иль пусть живет...

Вновь повернул Давид,
К Сасуну поскакал
И от Сасуна взял разбег.
Уж приближался к яме он.
Увидела его Исмил-хатун, —
И вот всем девушкам своим, что привезла с собой,
Она приказ дала:

— Дуйте в свирели!
В трубы играйте!
В бубны бряцайте!
Мило пляшите, нежно пляшите!
Этот Давид — молодой, неженатый,
Он заглядится — слабо ударит
И не убьет Мелика!
Девушки встали,
Взяли свирели,
В трубы и бубны
Вмиг заиграли
И заплясали.
Но понял все Давид — его не проведешь.
— Зачем они пляшут? — он сказал. —
Заворожить меня хотят! —
Воскликнул: — О высокая Марута!
О Ратный крест! —
И грянул Молнией-Мечом.

Меч расколол все сорок жерновов,
Рассек все сорок буйволовых шкур,
Чудовище Мелика разрубил,
Рассек от лба до ног
И на семь гязов в землю врос,
Дошел до черных вод.

И если б ангел не заткнул дыру своим крылом,
Они бы затопили мир...
Из ямы крикнул Мсра-Мелик:
— Еще я жив, Давид!
Руби еще! —
Давид ответил: — Мсра-Мелик, а ну встряхнись! —
Встряхнулся в яме Мсра-Мелик
И развалился пополам,
И окошел Мелик.
— Марэ, — сказал Давид, —
Снять надо одеяла, поглядеть!
— Нет, — говорит, — уйди! Мы снимем без тебя. —
Давид подъехал к груди жерновов
И сбросил одеяла.
И видит: сорок жерновов
Все пополам расколоты мечом.
Взял отшвырнул рукою жернова.
Глядит — все сорок шкур
Разрублены его мечом.
Тут к яме подошла Исмил-хатун,
Зовет: — Мелик! Мелик! —
Молчала яма.
Там сидели Меликова мать и сестра
И рыдали.
А потом обратилась к Давиду хатун:
— Давид! Убил ты Мсра-Мелика!
Что ж делать! Ведь и ты — мой сын, Давид!
Иди возьми его жену.
Сасун, как был, — твоя земля,
И Мсыр теперь — твоя земля!

Давид ответил ей:
— Я родился у матери чист. Не смешаю

С правдой лживое, скверное — с чистым.
Если хочешь, в Сасун я тебя заберу. —
Та в ответ: — Нет, сыночек Давид,
Я в страну Сасун не пойду. —
Сказал: — А в страну Сасун не пойдешь,
Вернись. Мсыр тебе отдаю—живи!

Покинул Давид шатер.
Он к войску коня Джалали повернул.
Кто из полководцев и войск уцелел,
Он всех их призвать повелел и сказал:
«Вам всем дарую волю я!
Идите все туда, откуда вы пришли.
Идите по домам, живите, как вы жили.
И дани с вас не нужно мне.
За жизнь мою молитесь и за души
Родителей моих.
Сидите дома у себя спокойно,
Не вздумайте ходить войною на Сасун!
Но коль подымете вы вновь оружие против нас,
Коль нападете вновь на нас, то знайте:
В какой бы яме ни сидели вы,
Какими жерновами
Ни укрылись вы,
По чести встретит вас Давид,
Вас Молния-Меч сразит! —

Давида поблагодарило войско,
Благословило. Но бойцы
Не верили, что Мсра-Мелик убит..
— Да, — говорят, — Давид, мы за тебя умрем!
Бог помоги тебе на всех твоих путях,
Во всех твоих делах.

Дай бог здоровья тебе!
Царство небесное Мгеру — отцу твоему,
И матери твоей Армаган.

Исмил-хатун войска взяла и в Мсыр ушла.
Все там бывшие воины и полководцы
Во все стороны света, к себе разошлись
И о подвиге славном Давида
Всюду весть разнесли:
Мол, исполнил Давид отцовский завет,
Мелика убил Давид,
Освободил Сасун.

Возвращение Давида

На поле сраженья узнал Торос,
Что Мелик Давидом убит.
Окончил бой Кери-Торос,
К Давиду прискакал.
Повернул Давид жеребца Джалали.
Повернули коней за Торосом вослед
Тридцать восемь его удальцов.
Едут в Сасун.
Ничего они не везли.
Ничего они не несли.
Только гнали пару быков,
А быки арбу волокли.
Уши Мелика пронзили копьем,
На арбу взвалили, везли в Сасун —
В подарок Трису-Верго.
А что ж в Сасуне делалось тогда,
Когда пришел Ован в Сасун?
А он все войско мсырское видел.

И все шатры несметные видел.
Войдя в Сасун, сказал Ован:
— Шатров не счесть, и войск не счесть! —
Народ сказал:
— Увы! Увы! Давида убьют!
Придут и наших дочерей, детей и жен возьмут!
Увы! Боже мой! Увы! Как же быть?

Тут людей из города
На горе поставили — за врагом следить,
На пути глядеть:
Враги идут или Давид.
Коль множество покажется людей,
Чтоб дали горожанам знать,
Чтоб город к бою был готов.

Вот видят: едет всадник впереди,
И тридцать девять всадников за ним.
Вбежали стражи в город, говорят:
— К нам едут всадники, а впереди — один,
То, кажется, Давид! —
Овану донесли: — Давид идет! —
И встал Ован — встречать его.

И весь Сасун — от стариков седых до малышей —
Навстречу повалил Давиду.

Глядит Давид, а на него с горы толпа валит.
— Стой! Что это за войско? — молвил он. —
Откуда столько у меня врагов? —
Давид погнал коня, сказал:
— Лети, мой конь!
Что ж делать, если бог еще врагов послал...—

Подскакал и видит Давид:
То Сасун идет, а Ован впереди.
Юноши, девушки, старцы идут, малыши бегут.
Закричал Давид: — Дядя!
Что ж, и ты на меня пошел? —
А Ован говорит: — Давид!
Мы порадоваться на тебя пришли.
За то, что ты вернулся невредим,
Мы бога благодарим!
— А женщины эти зачем пришли?
— Давид, они плакали до тех пор,
Боялись — убьет, мол, Давида Мелик,
Арабы придут, мужчин перебьют,
А женщин в плен уведут.
Когда ж услышали, что ты идешь,—заликовали они.
И все поднялись навстречу тебе.
— Домой возвращайтесь! — воскликнул Давид. —
Возвращайтесь, не бойтесь — Мелик убит!

Тогда Горлан-Ован
Давида в голову поцеловал.
Пот у него стер со лба, сказал:
— Нет! Им теперь не страшно ничего!

Пришли домой.
Давидовы кровавые одежды Ован сменил,
За стол Давида усадил.
Пэшел почистил, вымыл Джалали,
В просторном стойле привязал.

Пришел Давид и сел за стол.
Сказал: — Налейте мне вина! —
И выпил он вино. И лег и спал три дня.
Когда проснулся он,

Старуха вновь пришла к нему,
Сказала: — Здравствуй, здравствуй, мой родной!
— Бог в помощь, бабушка, — Давид сказал.

Старуха говорит:

— Со ржавым мечом на плохом коне
Хотел ты идти в бой.

А ты видел, как битва была тяжела?

— Благодарствуй, нанэ! — ответил Давид. —

Будь мне матерью, матери нет у меня. —

Отвечала: — Давид, я и так тебе мать.

Пойду домой.

Коль будет в чем нужда тебе,

Приду и помогу.

Расти, цветы, Давид!

Вчера дитя — ты нынче взрослым стал.

Здесь больше не сиди,

Поди к Овану и скажи:

«Открой мне покой моего отца,

Там я буду жить». —

Попрощалась старуха, ушла.

Пришел Давид, Овану сказал:

— Открой мне покой моего отца,

Там я буду жить! —

Тот сказал: — Думал я, что сасунский светоч погас,

А теперь он ярче, чем прежде, горит!

Как же мне не исполнить желанье твое?

Я люблюсь на подвиг твой,

И горжусь, что ты так могуч,

Мнится мне, что весь мир подарили мне.

Слово скажешь ты — я от счастья смеюсь!

Мовсес ХОРЕНАЦИ
(V век)

Война Гайка с Бэлом

Только Бэл-исполин утвердил
Над землею господство свое,
Посылает он в северную страну
Одного из своих сыновей
В горы, к Гайку,
Чтоб Гайк покорился ему.

Говорит: «Ты зачем
Поселился во льдах, на горах?
Ты согрей, растопи
Льды гордыни своей!
Покорись мне. Со мной помирись.
И спокойно живи
Где угодно тебе,
Но — в пределах, где я обитаю!»

Гайк сурово ответил. Ни с чем
В Вавилон воротились послы.

Вот Бэл-исполни
Огромную рать
Собрал и повел
В страну Арарат, —
Подходит к Кадмосову дому.
К Гайку бежит Кадмос,
Скороходов шлет впереди
И передать велит:
— «Знай, о великий,
Богорожденный!
Бэл на тебя ополчился.
Он великанов ведет,
Каджей бессмертных ведет.
Узнав, что он к нам идет, я бегу,
Ищу я защиты твоей!
Ты ж размысли, что делать теперь».

Бэл меж тем дерзновенно — огромные полчища
Опрокинул, — подобно ужасному
Наводнению весеннему, все затопляющему,
Низвергающемуся с крутизны, —
Во владения Гайка,
Уверенный в мощи
И отваге гигантов своих.

Тогда Гайк рассудительно-мудрый,
Светлокудрый и огненноокий
Исполин — сыновей собирает своих,
Мужей храбрых, владеющих луком,
И доходит до берега моря,
У которого солонь воды
И в котором форели живут.

Своим воинам Гайк говорит:
— «Как ударим на полчища Бэла,

Мы ворваться должны в средоточие войск,
Где стеснились герои вокруг Титанида.
Иль умрем, и рабами пришельцев
Станут наши сыны. Иль покажем
Мы врагам нашу грозную меткость,
И заставим полки разбежаться
И получим победу в бою!»

И, пройдя много стадий вперед,
Достигают равнины они между гор,
И встают на возвышенном месте, направо
От потока клубящихся вод.

И на горы взглянув,
Увидали они
В беспорядочном множестве полчища Бэла,
Дерзновенно несущиеся
Как лавина по лику земли.
А по левую сторону вод
Бэл над ними стоял на горе,
Окруженный гигантов стеной,
И пространство великое
Было меж Гайком и им.

Гайк надел свой наглавник стальной
С грозным гребнем, с привесками светлыми,
Грудь покрыл некрушимой броней.
Налокотники он
И набедренники укрепил.
Опоясал он чресла
Обоюдоострым мечом.
В левой — щит у него,
А в деснице — копье у него.

Арменака с двумя его братьями — он
Одесную поставил себя.
А Кадмоса с сынами своими двумя
Он ошую поставил себя.
Сам же стал впереди своих войск,
Треугольником войско построил свое
И повел его в бой.

И столкнулись тогда
Исполинов войска,
И под ними ужасно земля потряслась
И в неслыханный ужас друг друга повергли они.

И немало с обеих сторон
Крепкочленных мужей-исполинов
На земь пало и приняло смерть от меча,
И победы еще не сулил
Грозный бой ни одной из сторон.

И, уверенный раньше в победе своей,
Исполин-вавилонянин в ужас пришел.
Отступил он на холм,
На котором пред боем стоял,
Дабы там укрепиться средь полчищ своих,
Там хотел подкрепления он подождать,
Чтобы снова на Гайка напасть.
Распознав его умысел, Гайк-луконосец
Устремляется бурно за ним.
Он натягивает
Свой широкий, как озеро лук,
И пронзает трехгранным стрелы острием
Титанида нагрудник стальной.
И стрела, пронизав Титанидову грудь,

Между плеч из спины вылетает
И на землю падает
Далеко позади.

Так погиб Титанид горделивый,
С громом грохнулся на землю он
И свирепую душу свою испустил.
А полки, увидав
Грозный подвиг такой,
Разбежались оттоле и каждый
Убегал в направленьи лица своего
И об этом достаточно сказано здесь.

А на месте великой победы своей
Гайк построил дворец
И назвал его именем «Гайк».
И по этой причине
Местность та и поныне
Называется «Гайадзор».
А ту гору, где Бэл
Со своими бойцами отважными пал,
Гайк назвал «Герезманк».¹

Так и ныне зовется она «Герезманк».
Тело Бэла, бальзамами убранное
(Говорит Мар Абас),
Гайк велел в Гак отнестъ.
И на месте возвышенном похоронить
На виду его жен и детей.
Ну, а наша страна с той поры
Называется именем праотца нашего Гайка — «Гайк».

¹ «Герезман» — кладбище.

Лазар ПАРПЕЦИ
(V век)

Айратская долина

Царь Аршак сокрушался душой,
И иссякла бодрость его.
И тогда он наследие отчее,
Многославную древнюю вотчину
Айратскую область покинул,
Ту долину зеленую
Плодообильную,
Всеми благами,
Смертным потребными, полную.

Долы, дичью кишасие,
Горы — в даях красивосидящие,
Горы — снегом, лесами
И травами пастбищ покрытые,
Где онагры и дикие козы живут,
С этих гор воды бурные льются
И, поя ветрограды, поля и луга
Осветленные — в город вбегают;
Где людей не сочтешь,
Где мараны полны

Хлебом, благоуханным вином,
Сладкой овощью, злаками всякими.

Если кто из мужей чужеземных,
Той долины дотоль не выдавших,
Взором горные склоны окинет,
Он подумает: множеством ярких
Одеяний покрыты они,
А не травами яркоцветущими,
Вожделенной едою
Бесчисленных стад,
Прирученных животных и диких зверей.
Утучненных, дородных,
Блестящих от сытости.

А ужасное благоуханье
Сладкопахнувших горных цветов
Так могуче, что смелым мужам звероловам.
Пастухам, кроме неба не знающим крова,
Укрепляет здоровье оно
И усиливает, обновляя,
Остроту их живого ума.

Врачеватели ран и телесных скорбей
Там находят чудесные корни,
Из которых они добывают
По указу книг древних, написанных мудрыми.
Мази, снадобья и пития,
Исцеляющие от недугов,
Что длятся годами.

А просторы полей хлебородных,
Словно чары волшебных речей,
Овладевают сердцами

Трудолюбивых людей
И, подпирая им кровлю добром,
Властно к себе призывают.

И не только одеждой своей золотой,
Награждающей труд земледельца,
Эти нивы людей призывают, —
Но они
Тех, кто роет их недра упорно,
Поучают сокровытое во глубине
Собирать для утехи вселенной
И для славы и блеска царей.

Золото, медь и железо,
И самоцветные камни
Под руками гранильщиков и ковачей
Заблестят на коронах
И златоогненных,
Жаркорасцветченных бармах владык.
А вожденная,
Наижеланная
Эта равнина в болотах своих
Не напрасно лелеет камышей корневища —
В них возникают
Черви, из коих
Делают пурпур бесценный
Для одеяний и росписи стен.
Также и шумные реки,
Полные многообразных
Рыб, и великих и малых, —
Вкусом и видом различных, —
Обогащают достатки
И утоляют голод
Ловцов, неустанно трудящихся.

Воды чудесные эту
Землю питают. Земля
Кормит огромные стаи
Птиц — для утех владельцев луком
Мужей, влюбленных в охоту, —
Птиц сладкогласных,
И с голосами, словно журчанье,
Камнелюбивых,
Прячущихся в расселины скал,
Кроющихся под землей.
Куропаток
Серых и белых
И тучнотелых,
Сладостновкусных
Рябчиков диких,
В чаще нагорного леса
И по болотам живущих.
И пожираемых дикой свиньей
Птиц водяных, длинноносых:
Лебеда, гуся и тандзра.
И нахарары и дети азатов,
Ставя повсюду тенеты, капканы,
Часто на лов выезжали.
Те, — налетая на стадо онагров
Или на серн, — говорили одними
Мужественными звуками луков.
А иные, коней погоняя
За стадами оленей и ланей,
Их блестящим копьём поражали.

А другие с мечами,
Как единоборцы,
В пыль повергали

Огромнотелых
Мощногорбатых
Вепрей свирепых.

И немало из малых
Детей нахараров
С воспитателями и рабами,
Соколиной охотою там развлекались
И с добычей домой возвращалось,
И ужина радость
Добычей детей умножалась.

И с зарею вечерней
Любой возвращался,
Тяжело нагруженный
Убитой добычей.
По дороге, свершая
Ежедневный обычай,
Их встречали такие же дети,
Сыновья птицеловов
И мужей, расставляющих сети,
И в подарок князьям
Подносили: птенцов,
Рыбу,
Яйца лебязки с речных островов.
И, приняв их дары, —
Их одаривали
Много больше, чем взяли они.

И, полные радости,
Добравшись до дому,
Раздаривали домочадцам и слугам
Лучшее из добычи своей.

Но ценное самое
Гостям-чужеземцам...

И, за ужин садясь,
Перед ярким огнем очагов
Они видели
Груды птичьи и дичи лесной и степной
Головы тяжелорогие.
Но сильней аромата и сладости яств
Их утешали
Песни провидцев,
И пирующие, внимая стихам,
Прославляли Христа,
Вознаграждающего за труды,
Блага земные дарующего.

Предки

Поистине, предки, блаженны вы были,
Вы песни слагали на утре времен.
Вы в сердце мечту золотую хранили,
Вы верили: будет народ наш спасен.

Вы родину в песнях своих прославляли,
Величье и славу пророчили ей.
И лиры торжественной струны звучали
Лучистой радостью будущих дней.

Но вживе растерзана родина наша,
И боль ее смертная — в наших сердцах.
Мечты золотые виденьем миража
Бесследно исчезли в пустынных песках.

На жизненном утре, в преддверии мира,
Бледны, без надежд, мы минуем порог.
И падают руки, и падает лира,
И рушатся в сердце и песня и бог.

СТАРАЯ ВОЙНА ДОМА

П Р О Л О Г

Ты думал: высоту родной земли
Небесных молний копыя стерегут
И что бесчисленные корабли
В дни бедствий к нам на помощь прибегут?..
О, тяжело надежду потерять..
И в ужасе беспомощно взирать,
Как безнаказанно твой край родной
Терзает враг преступною рукой!
Правители беспечны; что им в том,
Хоть весь народ армянский истребят..
Они наш край исконный, отчий дом,
Нас, не спросясь, врагу отдать хотят.
И тот, кто божьим именем пришел
Со словом утешения, с крестом,
Сказал: «Терпите!» — Взгляд горе возвел.
А если в муках гибнем мы, что в том?
И льются, льются реки жгучих слез
Несчастливого народа. Льется кровь
Среди мучений, казней и утроз,

И ужасы творятся вновь и вновь.
И обступила гибель нас кругом.
Измученные телом и душой,
Взывали мы: — За что же это? в чем
Мы, боже, провинились пред тобой?..

I

Страданья народа низвергли меня
С нагорий Гугарка, цветущих весной,
И скорбную лиру порою ночной
Вручили мне, душу стенаньем тесня.
Рыдай, моя песня, как вьюга в ночи,
Над осиротелой безлюдной землей!
В ворота тоски бессонной стучи:
Где он — твой изгнанник, где мученик твой?
Стенай, моя песня, лети далеко
Над тьмою, где слез неизбывен поток!
Как странник бездомный вздыхай глубоко
У чуждых ворот, на распутьях дорог...

II

И словно изгнанника, странника тень,
Душа моя бродит, блуждает с тех пор,
В печали встречая неведомый день,
В ночах не смыкая измученный взор.
Потеряно все, чем владела она,
Что ищет, того на земле не найдет.
Не ведая сна, как потока волна,
В иные края безотрадно течет.
И вдруг, возвращаясь с чужой стороны,
Глядит с перевала, с седой крутизны,

И видит во тьме: в долине—на дне
Цветет огонек в знакомом окне...
И мирною лампой опять озарен,
Он в кресле, рукою висок подперев,
Сидит. И пред ним проходят, как сон,
Былые страдания и муки и гнев.
Здесь отчего крова старинная сень
И книги, мерцая, глядят в полутьму...
И в черной одежде, как добрая тень,
Любимая мать его входит к нему.

«О чем ты задумался, мой дорогой?
Ты блекнешь как лист, тоскуешь, молчишь...»
«Так, мама... Немного болит голова.
А ты-то сама? Почему ты не спишь?»
«Сыночек, меня не обманут слова!
Не спишь ты. И я, как видишь, не сплю.
Скажи, Ваган-джан, кто отнял твой сон?
В какую красавицу сын мой влюблен?»
«Да, ты угадала, нанэ, я люблю...»
«Ну то-то! Со мною не думай хитрить!
Вот я о беде и узнала твоей.
Сынок, от меня тебе тайны не скрыть.
Ты знаешь, как зорки глаза матерей,
Ну, кто же она? Ты скажи; я пойду
И в дом наш невесту твою приведу».

«Не сможешь ты, мама. Нельзя к ней пойти.
Из плена не сможешь ее увезти,
Увы, ты не знаешь, не знаешь ее!..
Прости мне... В ней жизнь и мученье мое...
Но нам не дойти до нее, не спасти».
И мать—так печально, понуро, стара,

К себе удаляется тихо опять
И просит у бога без сна до утра —
И сына, и мир, и всех отстоять...

III

Но вот появился какой-то чужой.
И юноша некий еще с ним пришел.
Читают, толкуют всю ночь меж собой.
И спор подозрительно шумный пошел.

«Скажи, Ваган-джан, — кто такие они?
Не ровня тебе — чужаки, бедняки?..
Всю правду скажи своей старой нанн —
О чем до утра их трещат языки?»

«Ах, мама! Друзья они лучшие мне,
Изгнанники... Негде главу преклонить.
Гостил я у них — в далекой стране,
А друга ведь надо в беде подбодрить».
«Дитя мое бедное, милый мой сын,
Друзья твои, голь и бродяги, видать!
Невеста в плену, далеко... Ты один...»
Вздыхает, бормочет несчастная мать.
И тихо в свой угол печально идет.
Сидит в своей комнате темной, пустой
И старого мужа беспечно ждет,
Который еще не вернулся домой.
А что старику? Он домой не спешит,
С друзьями весь вечер в духане сидит.

IV

В духане

Все стихло на улочке темной, пустой.
Ночь на землю пала.

И за день устав,
Склонясь на прилавок, вином залитой,
Духанщик забылся, видать, задремав.
Чуть лампа горит с непротертым стеклом.
А в темном углу, за бутылкой вина
Сидят еще трое друзей за столом,
Сидят по привычке они допоздна.
«Ведь вот наказание!

Мой-то сынок,
Ни слова не слышит!.. Ни слова — в ответ...
Все думает! — Ах ты — побей тебя бог! —
Начнет говорить: не пойму, что за бред!..
Не нравится наш ему старый закон.
Народ, мол, в ярме — под гнетом у нас!..
Да и не понять и не вспомнить, что он
По-книжному, трудно толкует подчас;
Мол, это — вот этак, а то, мол, — вот так...
Одно, мол, из двух —

Иль они или я!..
— Молчи! — говорю, —
Ты — безмозглый чудак!
А он мне... Поймешь ли? Где честь ты моя!..

* * *

«Ха-ха-ха! Вот — чушь, друже, ты понес!
Вот так новый сын, братец Мартирос!
Чу-ка, друг, нальем,

Чашу изопьем!

Понимаешь ты, что сказал сейчас?

Пусть сын твой живет,

Дом твой бережет,

Чтоб огонь у вас в очаге не гас!»

Так круг стариков смеется и пьет.

Но здесь начинается только рассказ.

«...Боюсь я... чего б не случилось у нас.

Эх, скоро ли будет мученью конец?

Смотрю, как бы лучше,.. да как бы... да вот...

Ведь нет у него ни дел, ни забот.

А я сокрушаюсь... Я ведь отец...

Он знает лишь горе мирское одно...

Не знает, видать, куда себя деть?

И друг ли, чужак ли, ему все равно.

Он рад и бродяге дверь отпереть.

«Ваган, что нам делать?

Ваган, как нам быть?

Ваган, что ты скажешь?

Когда же мы в путь?..»

Смекаете вы — откуда их прить?

Друзья, понимаете вы что-нибудь?

«Туда?..» Ох, туда!.. Ну, ну — и вопрос!..

Давай, наливай еще, Мартирос,

И за молодых мы выпьем до дна!»

«—Эх друг! Из-за них не знаю я сна!» —

«...Я сам ведь не раз собирался бежать...

И кто не болеет... душой не скорбит?..

О господи... мирно не можем мы спать...

Пусть горе исчезнет, добро победит!»

И налил в стаканы друзьям старичок.
Рассказа конец, еще видно, далек.

* * *

«Спасибо вам. Будьте здоровы, друзья!
У нас же...

Такого не видывал я —
У нас — что ни ночь,

И спят и живут.
Десятеро — прочь,

А двадцать — придут.
Дашь пить им и есть,

Что в доме ни есть...
А спорят! Шумят всю ночь напролет!
И все им равно — где ни лечь, где ни сесть.
Иной — на полу на голом уснет.
Один — на столе,

Другой — под столом.
Им мусор и грязь и пыль — нипочем!
«Ха! ха ха! ха-ха! Насмешил до слез...
Эй, еще налей, братец Мартирос!
Ну-ка — от души выпьем! Благодать...
Слушай. Хороши парни-то, видать.
Правильно живут!

Человек не тот,
Кто лишь о себе
полон век забот.

Нет! Того, кто все людям отдает,
Человеком мы можем называть!
Вот таких людей «сохрани, господь!»

Уж темным-темна за оконцем ночь.

ПЕСНЯ ЮНОШЕЙ

За темными кряжами горных громад
Томятся они во мгле.
Свободы хотят они, жизни хотят,
Счастья хотят на земле.

За пребни гор,
Сквозь облак дым
Мы полетим
На помощь к ним.

Эй, не довольно ль, деспот злой,
Тебе бедняков терзать?
Но ты спознаешься с бедой,
Расплаты не миновать!

Мы за свободу выйдем в бой
С врагами грудь о грудь.
На боевой, на грозовой
Не преградите путь.

Пулей и словом,
Полные гнева,
Молнией, громом
Грянем мы с неба.

Друзья, крепитесь! К вам мы, к вам
Во всеоружьи идем!
К счастливым дням,
К свободным дням
Отчизну поведем!..

VI

Дрожат и бледнеют, молчат старики
И слушают дерзкие песни слова.
Старушка полна тревоги, тоски,
Поникла седая отца голова.
Что в дедовском доме творится у них?
А песня — отколь залетела она?
Да прежде не слышали песен таких
И неукротима она и страшна.

И полны тревоги, смущенья, тоски,
Как будто лежат на горячих углях,
Ворочаются без сна старики,
Пока не забрезжило утро в дверях.

«Сыночек, вы что там надумали петь?
Опасная песня, не быть бы беде..
В какую страну собрались вы лететь?
И что там случилось? И где это, где?»

«Ах, мама, — ну песня, как песня... Попряд
Все в юности разные песни поют!
Друзья мои молоды. Мысли парят,
Далекие страны к себе их влекут...»

И сходятся к вечеру вновь; и шумней,
Тревожнее споры, теснее их круг.
Кричат, как под осень стада журавлей
На озере, перед отлетом на юг.

И вдруг все исчезли.
Растаял их след.
Ушел и домой не вернулся Ваган.

И ждут старики. Но все нет его, нет,
Бесследно пропал, будто канул в туман.

И вот на исходе четвертого дня
Письмо от Вагана пришло наконец:
«Не мучьте себя, не ищите меня.
Прощайте, любимые мать и отец!

Вы дали мне жизнь, вскормили меня,
И я перед вами, родные, в долгу.
Но в горе земля, как в море огня,
И я в стороне стоять не могу.

Пусть будет мой путь и труден и крут
В кровавом и грозном мире скорбей.
Другие отцы теперь меня ждут
И слышу я зов других матерей.

Простите, что вас я покинул одних,
Что не дал я вам за любовь ничего.
Увидимся, если останусь в живых.
Простите же сына! Забудьте его!»

VII

И руку с сыновним письмом уронив,
Безмолвна, с заплаканным бледным лицом,
Глаза на туманный закат устремив,
Старушка сидит на пороге пустом.

Мурлычет котенок и трется у ног.
Прижался к плечу племянник-малыш.
И взгляд его грустен, наивен, глубок:
«Что плачешь ты, бабушка? Что ты молчишь?»

И смотрит туда, где закат отпылал,
Старушка в безвестную темную даль,
Где сын ее, сын ненаглядный пропал,
Где бедствие, горе и кровь и печаль.

«О божия мать, ты спасаешь везде.
О воин Саргис — господень святой,
Храните его, защитите в беде!
Пролейте на мир тишину и покой!

Молю вас: придите на помощь ему,
Скитальцу единственному моему!..»
И льет она горькие слезы из глаз,
И молится, жаркою верой полна,
Пока за холмами закат не погас
И ночь не настала, тиха и темна.

VIII

Всё смолкло, укутались горы во мглу.
Заснул тишиной напоенный простор.
Лишь в старом духане, в привычном углу
Под лампой три друга ведут разговор:
«Эй, что ты задумался, друг Мартирос?
Все будет отлично!

Давай-ка стакан!

Вот только бы счастья господь нам принес!..
Вернется и жив и здоров твой Ваган!
На доброе дело отправился он,
Пусть бог на чужбине его сохранит!..
Так что же ты, братец, сидишь удручен,
Глаза опустил и стакан не допит?..
Пей, друг Мартирос, да еще нам налей!
Сомненья свои и унынье развей!»

СТАРАЯ ВОЙНА В СТРАНЕ

П Р О Л О Г

В далекой стране из груди горы
Источник живой истекал.
Но жадный вишап выползал из норы
И к этой воде людей не пускал.

А люди, чтоб жажду свою утолить,
Воды запасти, — дракону они
Должны дочерей своих были дарить,
И пили не воду, а слезы одни.
Но витязь пришел из Светлой Страны,
Дракона в бою мечом поразил,
И светлый поток животворной волны
На веки веков, народу открыл.
Нет, это не сказка о жизни былой,
Не старый волшебный песенный сказ.
А случай, действительно виденный мной.
И сказок давно не бывает у нас.

Дракон кровожадный — коварен, жесток,
Давно у источника счастья залег,

И блекнут на склонах нагорных цветы,
Потоками крови и слез залиты.

I

Ло-ло, ло-ло!
Склоны гор!
Эй, Тарон, весна наступила вновь!
Эй, красавиц искристый взор,
Эй, свобода, счастье, любовь!
Ло-ло, ло-ло!
Преклоняйте, горы, в поклоне стан,
Проезжает здесь Мусабек,
Гнитесь, шеи робких армян,
Вы в ярме, вы в петле навек.
Где красавица есть, где золото есть —
Все владыке отдай своему.
Что ему ваша воля и правда и честь?
Кто противостанет ему?
Если в Муш стране он взмахнул мечом,
Ван от силы удара его задрожал.
До Арзрума летит его выстрелов гром.
Никнут в страхе и стар и мал.

II

Поклонись, армянин! Иль тебе конец?
Мусабек проезжает — гляди!
«—Эй!—кричит,—выходи-ка, святой отец,
Всех кто в доме есть выводи!»

И от страха полуживой —
Стынет ужас в темных глазах —
Показался священник седой

Под навесом, в темных дверях.
«Ну, отец святой, ты доволен мной?
Подними-ка глаза... Ага!»
«Господин, сам бог доволен тобой,
Дай бог счастья тебе, Ага!»
«Ты доволен? Так долг свой плати сполна,
Выводи свою дочь Шогик!
Поживей, старик! Пусть она
Моих жен украсит цветник!»
Молча старый священник пред ним стоит,
Поблуднел, головой склонясь.
Не поймешь — он смеется иль плачет навзрыд,
Через силу в улыбке кривясь.
«Ха-ха-ха! Святой отец — ты чего?»
«Ха-ха-ха!» Весь отряд кругом...
И от жуткого смеха того
Ужас вдруг охватил весь дом.

«Эй, кто ропщет на Мусабека здесь?
Мусабек на весь мир один».
А старик: «Мы довольны, Ага!.. Нам честь,
Славный щедрый наш господин.
Но, Ага, снизойди и к нашей судьбе, —
..два, три дня еще удели...
Дай отсрочку нам, чтоб по чести тебе
Мы отдать невесту могли...»
«Два дня... Ладно. Но помни, святой отец,
Я вернусь — ты мне дашь ответ!
Если что... Ни на небе, ни под землей
От меня избавленья нет!..»
Ло, ло, ло, зеленый Тарон,
Твои склоны, цветной ковер...
Но умолк «Ло, ло» перезвон
За глухими кряжами гор.

III

Зачем тревожно колокол гудит
На колокольне сельской в поздний час?
— Уж не беда какая нам грозит,
Не подожгли ль враги село у нас?..»
«Эй, что случилось? Что в ночную тишь
Усталых будишь? Что ты, поп, звонишь?»

«Сироты, детушки! Ко мне сюда!
На плечи мне обрушилась беда!»
А медный звон летит в ночной туман...
И разбудил, собрал весь Талворик.
И горя полн, убогих поселян
Зовет на помощь жалкий поп старик.

«Соседи, друзья! Придите
На свадьбу Шогик моей!
Цветы с полей принесите,
Венок соьем мы ей!
Взрастил я чуждый скверны
Росток, души благодать...
Но появился неверный,
Он жизнь мою хочет отнять.
Отцы, в ком души живые,
Есть дочери и у вас!»
Вздыхают крестьяне седые,
Не подымая глаз.

«Жаль твою Шогик, жаль цветок Шогик!..
Эх, отец! Нам жаль дочери твоей!..
Бедный ты отец, бедный ты старик...
Пусть погибнет враг, гром его побей!..»

Среди ночи на звоннице колокол бьет
Старый, бедный священник на помощь зовет.

«Несите тревогу в другие края,
Пусть все наши близкие слышат набат!
Пусть помощь скорее пошлют друзья,
С войсками и пушками к нам поспешат!»
Напрасно, увы, на восход, на закат
Старик устремляет беспомощный взгляд.
Нет чуда... Все тихо. Дороги во мгле,
Глубокая ночь на армянской земле.

Вновь колокол стонет. И стон его дик,
И кличет все громче несчастный старик.
«О, боже, услышь! Вот молитва моя
Последняя! Может быть!.. Не допусти!
Ты тоже — отец и в седилах, как я, —
Сойди, по-отечески нас защити!»

Но лик отвращает господь от армян,
Надежды и помощи им не дает.
И вот, облаченная в черный туман,
Бессонная, ужасов ночь настает.

IV

О, темная ночь, бессонная ночь,
Бездонная пропасть тоски и скорбей...
«Дитя!.. Почему ты не спишь, моя дочь?
Все плачешь, прикинув к подушке своей?»

«Ни сна, ни отрады нет мне, нане.
От глаз моих дрема в испуге бежит.

Едва их прикрою, все чудится мне,
Что злой Мусабек предо мною стоит...»

«Дитя, ты усни, ты не бойся сейчас...
Усни!.. Еще есть господь в небесах.
Мы курдов и тюрок видали не раз,
А ты успокойся... Пустое — твой страх!»

«Ах, мама, кто плачет всю ночь до утра,
Кто плачет, да так, что слышать невмочь?
Взгляни за окно, рассветать уж пора...
Ах, как тяжела, как страшна эта ночь!»

«Дитя, это стоны «Ночной Сироты»*
И сказка о той Сироте сложена:
Была она девушкой прежде, как ты,
Но птицею стала и плачет она.

Злой турок, увидев ее, проследил
И в дом к ней ворвался, и брата убил.

И к богу она обратилась с мольбой.
Измучена горем и смертной тоской:

«О боже! Дай крылья быстрые мне,
И пусть!.. О, пусть я как птица умчусь!
Я в страхе — весь день... Я плачу во сне...
Дай крылья! И я улечу! Я спасусь!..»

А мать продолжает:
«Время идет,

* Название ночной птицы.

А та Сирота — все летает она.
И кличет она. Зовет и зовет
Единственного, печали полна.
Дитя мое, спи... Ведь есть еще бог,
Молись про себя... Милосерден творец.
Ведь ночь не на век. Рассвет недалек,
Настанет беде и скорби конец...»

* * *

Стук.. Стук...

«Кто стучит у наших дверей?
Разбойник стучит к нам в ночь или вор?..»
Стук, стук...

«Эй, отец, открой нам скорей!
Хозяин, вставай, открывай свой затвор!..
Иль то безъязыкие курды стучат?..
Страхом весь дом небывалым объят.
Под одеялом, дыханье тая,
Прячутся малыши и не спят.
Мать замерла: что делать теперь?..
Шарит руками во тьме наугад.
Дочь к ней припала безмолвно. А в дверь
Громко и непрерывно стучат.
Старенький поп,—ни мыслей, ни слов...
С трепетной, тускло горящей свечой
К двери идет, открывает засов,
Встал он лицом к лицу с темнотой
И говором сдержанных голосов.

Кто?—Разглядеть в полутьме не могли..
Трое неведомых молодцов.
Звякнув оружием, в двери вошли —

И по-армянски: «А, ну-ка, отец,
Благослови нас!» — они говорят.

Вспыхнул светлее тусклый светец.
Смотрит старик. И рад и не рад:
«Кто вы — так поздно? Откуда ко мне?»
«Мы из России! Расскажем потом»...
«Но ведь опасно в этой стране...
Смерть притаилась за каждым углом!»

«Вот мы поэтому к вам и пришли».
«А не покинули — спрос ведь не грех —
Ближних под небом родимой земли?»
«Да, — отвечают, — покинули всех...»

Темная ночь, бессонная ночь,
Скорбная ночь твоя, Айастан.
Темная ночь, бездонная ночь,
Полная слез и надежды и тайн.

Пророчество

Теперь приду я! — судия сказал —
В борьбе своей и тягостной нужде
Опорою бедняк меня назвал,
И он — не одинок в своей беде!

О горе вам, владыки сей земли,
По чьей вине бедняк слезами сыт!
Вы в беззаконии своем рекли,
Мол, бог давно на землю не глядит.

Не видит разве и не слышит тот,
Кто создал ваши уши и глаза?
Воспрянет он и вас судить придет,
Не вечно будет спать его гроза!

Вы глухи к чести, к свету и стыду,
Но от меня ваш темный путь не скрыт.
Полна терпенья мера. Я иду,
И молния в руке моей блестит.

Я в души угнетенных свет пролью,
Пусть вас разит и жалит их язык!
Рукам несчастных дам я мощь свою.
Я — с ними, в них, я гневом их велик!

Моей родине

На берегу волнующихся нив
Стою я, размышляя, молчалив.
Ты ль это, гордая моя страна,
Была затоплена потоком орд,
И ливням стрел несметных предана,
И тысячами копий пронзена?
На каменном пути народных рек
Лежала ты, томясь за веком век,
Растоптана копытами коней,
И налетали коршуны, как шквал,
Точили клювы об уступы скал,
Чтобы терзать тебя!

И много дней

И лет без счета протекло, — и вот
Теперь мой край ликует и цветет.
И мирно вновь над домом вьется дым,
Где сладко мать баюкала меня,
Сознанием одаряя, полоня
Мой дух могучим языком родным.

Пусть молодая рать твоих сынов
Твой будет древний чернозем пахать,
И пусть гусаны будут воспевать
Расцвет твоих полей, страна отцов!
Победно будешь ты звучать, звучать
В чудесных песнях — древен и велик —
Сердечный, вечно юный мой язык!

* * *

Мой дух был грозою, нависшей вдали,
И в тяжелой тоске я уснул наконец.
Мне снилось: на казнь меня повели
И в лоб мне вонзался терновый венец.

И речь моя — молот была и пожар,
И кровь моя шла из-под терний венца,
И речь моя — молот была и пожар,
И речью сжигал, сокрушал я сердца.

Когда возвели меня на эшафот
Под мертвым, безмолвным эскортом штыков,
Я видел: меж ними, над ними плывет
Сонм мыслей безгласных и суетных слов.

И вот в высоту я вознесся в петле!
На лбу моем — сказок горящий венчик.
И выли и ползали толпы во мгле,
Внизу, у моих коченеющих ног!

Моей родине

К чудесному, нагорному, зеленому,
В весенних розах склоню я прильну,
К дыханью материнскому, бездонному,
Что шевелит пшеничных нив волну.

Меня чаруешь речью ты прекрасною,
Меня влюбленным зовом кличешь ты.
Тебя я вижу новую и ясную
С чертами древней, вечной красоты.

О мать! Твое грядущее, как молния,
Могуче, ярко блещет предо мной.
Армения, сил вечно юных полная,
Звук гордый речи сладостной, родной!

* * *

Ветер бьется о мой порог,
За дверьми уныло поет.
Но теперь я не одинок, —
Голос милый меня зовет —
Это шум ваш, струи водяные,
Это, сын мой, лепет твой счастливый,
Изумрудные воды родные,
Сын мой ясный, бесценный, красивый!

* * *

В далеких горах Гималайских сейчас,
Хребты затопив от вершин и до пят,
Циклонами моря смятенного мчась,
Клубясь, колоссальные тучи кипят.

Гроза на грозу громоздится в горах,
Грохочут грома, повторяясь стократ,
И молнии бешено блещут сквозь мрак,
Но горы не дрогнут — бесстрашно стоят.

И там, в их грохочущей дикой борьбе,
Мятежное сердце, там место тебе.

Из «Песни первой»

2

На крутизне горы Манташ,
На склоне цветущем том,
Вдали белеет твой шалаш.
Овеянный ветерком.

Толпа твоих ягнят, козлят
Навстречу тебе бежит,
И блеет жалобно вослед,
И вниз со скалы глядит,
Когда в ущелье за водой
Сойдешь, где родник шумит.

5

Ты там, где плещет водопад,
Смоль кос твоих в каплях рос.
Целуют струи губ гранат,
И щеки — румяней роз.

А волосы вокруг плеч и рук
Обвились множеством змей,
Я мотыльком кружусь вокруг,
Вокруг любви твоей.

Твои глаза — источник вод.
Пусть в них, свежей, светлей,
Чем небосвод, любовь блеснет.
Я жажду любви твоей.

О, взглядом разум мой затми!
Грудь затопи через край;
Дай сердце мне, мое — возьми,
Уста гранатные дай.

И губы кубком мне дала
Злаченным, с янтарным дном.
И как безумцу обожгла
Мне душу любви вином.

7

И птицы яркого пера
Порхают на лугах.
Тоски пора, любви пора —
В их звонких голосах.

И аромат
Вновь принесли
Ветра небес
Лугам земли.

Вокруг цветущих сказок сад,
Текут вином ручьи.

Твои лобзания звучат
В душе, как соловьи.

И, опьяняясь
Тобой, тобой,
Песнь полилась
Сама собой.

* * *

Дни милые весны пришли опять.
Возьму свой посох, двинусь по горам.
В просторах сердцу хочется летать,
Блуждать по новым тропам и мирам.

На диких кручах розы я сорву,
Венок совью для смуглого чела.
Как облако, над высью проплыву
Путем ветров и вольного орла.

Заря златокудрявая встает,
Привет мне птицы свищут на лету,
И жаворонком сердце запоеет,
Взлетая в солнечную высоту.

К лугам в росе косули поднялись.
За ними я взойду и воспою
Средь пастухов, костра и стада близ
На сладостной дуде любовь мою.

Стемнеет — я один усну тайком,
Под кровлей звезд, чуть мира смолкнет гул.
И листья ивы вместе с ветерком
Мне песенку споют, чтоб я уснул.

Заря разбудит, поцелуй даря,
Ветра лугов мою обвеют грудь.
В ручье, что льется, серебром горя,
Умоюсь я, напьюсь и снова — в путь.

Пойду через пустыни и моря
Средь неизвестных дальних стран блуждать,
Где юная рождается заря,
Хочу все видеть, все душой познать.

И ощутить природы чудеса,
Ее—миллионноликую — узреть,
Ее стотысячные голоса
Услышать и запомнить, и пропеть.

Я прожил жизнь бродячую не зря,
Она меня вела дорогой туч,
Я стал крылатым, ей благодаря.
Мир — мой. Я — царь себе. И я — могуч.

Вечная любовь

I

«Светозарен Тадмора дворец. Среди песков
Он, как марево, путника взоры манит.
На семьсот беломраморных стройных столбов
Опираясь, возносится башня в зенит.

А вокруг него — пальм легковейная тень,
Где, на вайях качаясь, печально поют
Чудо-птицы; журчат водометы весь день,
И цветы, все в росе, над бассейном цветут.

Эль Саман там на троне с царицей своей.
Стан царицы его обвивает рука.
На груди его косы ее, что пышней
Нунофара-цветка на струях родника;

Бирюзовый прибой, что ласкает волной
Голубого Ливана скалистую круть,
Не сверкал, не сверкал еще пеной такой,
«Снежно-белой такой, как царицына грудь.

А вокруг их престола веселой толпой
Златокудых прислужниц и слуг хоровод
В стройной пляске плывет под прохладой ночной
До зари и весь день. И всю ночь напролет.

II

Гаснут люстры. Дворец опочил в тишине.
Как серебряный лебедь в бассейн, сквозь туман,
Месяц канул, плескаясь, ласкаясь к волне,
И шептать начинает тогда Эль Саман.

Шепчет он светлолицей царице своей
На ушко, но так нежно и ласково так,
Что едва ли колонны ласкает нежней
Луч луны, проникая в аркад полумрак.

— Небеса высоки, о царица моя!
Но любовь моя выше высоких небес,
Корни гор глубоки, о царица моя!
Но любовь моя глубже неведомых бездн.

И прекрасный мой замок в обломках падет,
И завевет пустынь налетающий прах.
И бездонное море Сидона придет,
И затопит пустыню, и скроет в волнах.

И к исходу времен подойдут времена,
Солнце дня почернеет, погаснет луна,
Лишь любовь моя неугасима одна,
Бесконечна, бессмертна и вечна она.

И в волшебных, пьянящих лобзаньях томя
Сердце, как в заколдованном старом вине,

Млеет, тает, горит и живет Эль Саман.
Время — вечность и миг, и течет, как во сне.

А из черных узорных дворцовых ворот
Сладко пахнет алоэ и мускус. И там
Юных слуг и прислужниц идет хоровод
И певцы прижимают свирели к устам.

III

Но разорвана смерти крылом тишина.
Одиноко и тускло лампада горит.
Умирает царица — кротка и бледна, —
Голова на груди Эль Самана лежит.

Умирает она, как роса в лепестках,
Как дитя на святых материнских руках.
И беззвучно рыдает над ней Эль Саман,
Шепчет он ей сквозь благоуханный туман:

— Я разрушу, низвергну небесную твердь,
Но не дам, но не дам я тебе умереть.
Прогоню, покорю я угрюмую смерть,
Но не дам, но не дам я тебе умереть.

Только час отвоюет у смерти, и вновь
Гонит он ее силой меча и щита,
И вдыхает дыханье свое и любовь
В помертвело-холодные милой уста.

IV

Заходила луна, восходила луна.
И, обняв погруженную в сон гробовой,
Шепчет на ухо ей Эль Саман. И нежна
Его речь, словно шепот колонн под луной.

И покинули в ужасе замок его
Сонмы слуг и прислужниц. И стали пусты
Залы замка. Безмолвно вокруг и мертво.
Вайи падают с пальм, умирают цветы.

Тихо плачет и всхлипывает водомет,
Меж колонн паутина густая висит.
Только ветер пустынный в пролетах поет,
Пыль над тронном взметая, злорадно свистит..

И холодной блестящей своей чешуей
Прах стирает змея с пожелтевших костей..
Но мертвец Эль Саман костяною рукой
Обнимает еще стан царицы своей.

И в истлевшее ухо, беззвучно почти,
Он ей шепчет оскалом из мертвой кости,
Шепчет вечно, бессонно в ночной тишине,
Как седые колонны холодной луны.

И зачахли и высохли пальмы садов,
И обрушились своды, и свет их померк,
И руины заваял песчаный покров,
Только башни высокой не скрыл, не поверг.

Над унылой могилой, в пустыне одна,
Как свидетель, свой купол возносит она,
Чтобы дальние звезды узнали о ней,
О любви Эль Самана, что смерти сильней..

Чтоб поведали миру о давней любви,
О могучей бессмертной и славной любви
Караваны и путники, что издали
В даль безвестную благоговейно прошли..

Что слава, власть и взгляд желанной
Вы для души моей больной?
Лишь звон протяжный, караванный,
Вдаль уплывая стороной,
Скитаний жаждой неустанной
Дух околдовывает мой.

Из цикла «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ»
(1906—1910)

Привет тебе, бурный страданья восторг,
Владей мною—благословляю тебя!
Ты с детства мой дух от покоя отторг,
Покорно теперь принимаю тебя.

Казни мое тело, омойся в крови,
Веди на распятие душу мою!
Вновь сердце раскрылось во мне для любви,
И муки я полною чашею пью.

О высшая слава, последний восторг,
Огнем твоим грозным я снова объят!
Струись, моих песен кровавый поток,
Туда, где страданья людские молчат.

Века, века уйдут в небытие,
Но имя благородное твое —
В веках останется оно,
Сердца, как старое вино,
Мечтой свободы вдохновит,
Путь поколениям озарит.

Твое живое имя, словно стяг,
Как огне-алое полотнище в руках,
Как символ истины, народ
Над пробужденным миром понесет.

Так в них обоих первый взгляд родил могучую
любовь, —
Дитя, которое за час переросло верхи дубов.

Глава вторая

Любовь не хан, а всех сильнее, ее не победит никто.
Просить у бека в жены дочь пришел пастух Сиаманто.

Взъярился не на шутку бек и прочь от глаз своих
прогнал
Сиаманто. А пастуха к своим стадам другого взял.

И вновь пришел Сиаманто, но бек сказал ему: «Уйди!
Дурь выбрось из головы, а лучше за скотом гляди.

Убраться ночью должен ты, уйти подальше от села.
Лети, как спущенная мной, вдали пропавшая стрела».

* * *

Отца молила Хчезаре, в слезах упавши перед ним:
«Отец, не оставляй меня в отчаяньи! Он мной любим!

Вели вернуть Сиаманто! Отец, не похищай птенца
Из ласточкина гнезда!» Не умолила дочь отца.

* * *

Примчалась горная весна, полна, как встарь, чудес
и чар;
И вновь поет любовь и жизнь любая тварь в тоске по яру.

Чуть небо утренней зарей зарделось над Сипан-горой,
Сиаманто сел на коня-красавца с привой золотой.

В селенье племени зрнкац он прискакал до темноты
И с утомленного коня сошел, как солнце с высоты.

Одной старухи гостем стал Сиаманто. Вот как-то раз
Он звуком дхола¹ и зурны разбужен (был в рассветный
час.

Кругом в ущельях, словно гром, веселый отдавался
крик.
И у старухи он спросил: «Что значит этот шум,
мамик»²?

Как тень от облака, печаль легла на старческом лице:
«Выходит замуж Хчезаре. То гости пляшут во дворце».

Поник душой Сиаманто, слезами облилось лицо.
«Мамик! — промолвил он, — сходи и ей отдай мое
кольцо.

Она поймет условный знак. Она была моею яр
И перстень этот мне сама надела, как заветный дар».

Старуха бережно кольцо из рук Сиаманто взяла
И с виноградной кистью в свой платок сложила
и пошла.

¹ Дхол—бубен.

² Мамик—мать.

В рассеянности Хчезаре отщипывала виноград,
Вдруг в изумленьи на кольце она остановила взгляд.
Тогда, уже не в силах скрыть волнение сердца своего,
Она спросила: «О мамик, где тот, кто дал тебе его?»
С улыбкой в старческих глазах старуха, добрая душой,
Ответила: «Он у меня, красивый храбрый верховой!»
Тогда, рыдая, Хчезаре старуху крепко обняла
И, всхлипывая, говорить ей торопливо начала.
«Поди, мамик, скажи ему, что острым заступом тоски
Любовь к нему у Хчезаре в глазах пробила родники!
Скажи, остался только день, чтобы похитить Хчезаре.
К могиле матери пойду я завтра рано на заре,
На богомолье. Пусть меня он у могилы подождет
И пусть у коршуна меня, как перепелку, отобьет.
Когда под копытами зари ночная отступила мгла
От снегового трона гор, к могиле Хчезаре пришла.
Казалось, тишину вокруг давно не возмущал никто.
Лишь у могилы на траве беспечно спал Сиаманто.
Закрытых глаз Сиаманто она коснулась слегка,
Губами, легче мотылька, как дуновенье ветерка.
«Ведь ты не дух, Сиаманто! Зачем ты спишь беспечно
тут?
Как слабого ягненка лвы, тебя враги подстерегут!»
И пару бабок золотых взяв из кармана своего,
Вложила спящему в карман. И так, не разбудив его,
Сошла с горы, как аромат, слетающий с кровавых роз,
Раскрывшихся перед зарей...

* * *

Когда же солнце высоко взошло по снеговой горе,
Сиаманто открыл глаза и не увидел Хчезаре.

И сердце погрузилось в скорбь, печалью нагруженный
челн.

Он, как стрелок, проспавший дичь, пришел домой,
унынья полн.

Старуха молвила: «Сынок, твоя наивность мне смешна.
Ищи в карманах: что-нибудь тебе оставила она».

И пару бабок золотых тогда нашел он у себя.
«Ага! — воскликнула мамик. — Ведь правду говорила я».

Как плод от зноя, покраснел он от досады и стыда.
И, слезы удержав с трудом, Сиаманто сказал тогда:

«Сходи, мамик, в последний раз! Оседлан конь. Здесь
на дворе,

Готовый в битву, полный сил, я жду ответа Хчезаре.

Скажи, что вызов принят мой, что в бабки буду
я играть,

Но что не бабки буду я, а вражьи головы бросать».

* * *

«Ну, как дела?»—Сиаманто спросил, тревогой обуян,—
«Коль в самом деле любишь ты, так будь орлом горы
Сипан!—

Сказала Хчезаре. — Меня увозят завтра в ранний час.
Пусть прилетит! Он не уйдет алчущим от любимых глаз.

Пусть он примчится на коне, имея лук и меч в руках;
И пусть он путь отрежет мне, как вешняя река в горах!

Когда, как стая грифов, вдаль отряд уйдет в начале дня,
Пусть нападет он, как орел, отнимет и умчит меня!

И пусть туманы скроют нас в родных горах, в родном
краю!»

Так говорила Хчезаре. Так я тебе передаю».

И за руку Сиаманто старуху взял и ей сказал:
«Мамик! Хочу, чтоб солнца свет тебя вовек не
покидал!»

Он отдал ей своих овец, потом в седло проворно сел
И молнией на игруне золотогривом улетел.

Долины в пропасти цветут. Обрыв утесов гол и крут,
По дну долин стада овец, как клочья облаков, ползут,

Узка тропа над крутизной, опасен каждый поворот.
С полночи всадник, как утес, путь заградив,
кого-то ждет...

Путь заградил Сиаманто. Он ждет, когда наступит день.
Играет буйный конь под ним, нетерпеливый, как олень.

Вдруг войско стало выползать, как горный змей,
из-за скалы.
Пришпорил юноша коня и полетел быстрее стрелы.

Как разрывается, гремя, над лесом молнии струя,
Так налетел Сиаманто, их черепа мечом кроя.

Крича, рассеялся отряд; из них не устоял никто.
Тут закричала Хчезаре: «Бери меня, Сиаманто!»

И, вырвав девушку у них, ее в седло он посадил;
В единый дух, одним прыжком он путь трехдневный
совершил.

И всадники, осилив страх, за ними бросились вослед,
Гнались три ночи и три дня. Четвертый наступал
рассвет.

Но вдалеке Сиаманто, как буря, уходил от них.
В зной освежающий родник он уносил в руках своих.

Как ворон сокола, они его настигнуть не могли.
Сиаманто через плечо взглянул и увидал вдали,

Во мгле, тех всадников. Они во весь опор неслись
за ним,

Гонимы ужасом слепым перед владыкою своим.

Вот отделился от толпы наездник в белом. Все быстрей
Он, словно презирая смерть, летит по краю пропастей.

«Кто этот удалец?» — спросил у девушки Сиаманто. —
Как буря, конь его летит; его бы не поймал никто».

«Он до сегодняшнего дня считался женихом моим;
Его душа теперь горит. Огонь любви неугасим».

И оглянулась Хчезаре, держась за гриву скакуна,
Поцеловала на лету Сиаманто в глаза она.

«Я застрелю его сейчас, его коня отдам ветрам!
И мы умчимся в сердце гор, нам некого бояться там».

«Не убивай, Сиаманто! Он не виновен пред тобой.
Лишь в сердце он меня ласкал и не был коршуном
со мной».

«Я не убью, так он меня настигнет с войском и убьет,
Чтоб вырвать сердце, грудь мою коварной сталью
рассечет».

Так думая, Сиаманто добрался под вечер к горе.
Там бурку разостлав, он снял с седла на землю
Хчезаре.

Она осталась отдыхать. А он обратно поскакал
И поперек пути врагов, как крепость сумрачная, встал.

Свистящих двадцать стрел пустил без промаха. Колчан
пустой.

И меч его тогда блеснул, и закипел свирепый бой.

Растаяли мечи врагов. Сжимала не одна рука
Слоновой кости рукоять с обломком звонкого клинка.

Все сокрушил Сиаманто. Ковром кровавым путь
устлал.

Увидел: все враги мертвы, и поскакал на свой привал.

Там Хчезаре, обняв его, спросила: «Милый! Где
ты был?»

И юноша ответил ей: «Я всех их в пену превратил.

Они разбились об меня, как волны моря о скалу.
Лишь всадник в белом уцелел. Как ворон улетел во
мглу».

«Уйдем! — сказала Хчезаре. — Гора Сипан укроет нас.
Не станет медлить мой отец, — он собирает рать
сейчас».

Вот сны спугнул у Хчезаре предрассветный ветерок,
И на утес она взошла и посмотрела на восток.

С утеса видела она, как солнце медленно взошло,
Пред ней синел, как море, мир, у ног дымился, как
село.

Вставайте, воды и ветра! Похороните вместе нас!»
И в пропасть бросилась она, закрыв глаза, в
последний раз
Воскликнувши: «Сиаманто!..» И ей ответом по горе
Провеял вихрь, и замер в нем неясный шепот:
«Хчезаре!»

Э п и л о г

А в том ущелье, что ни год, лишь только дни весны
придут,
На берегу падучих вод два мака яркие цветут.
Они так схожи красотой и даже запахом своим,
Как взгляд на взгляд и вздох на вздох у тех, кто
любит и любим.

И жаждут пламени они, глядят из пропасти всегда
На вечный жизненный поток, непроходящий никогда.

Там, где рождаются реки

Я оттуда пришел, где рождаются бурные реки,
Где могучие грозы на кручах скалистых гремят,
Где, как облако в небе, свободна душа в человеке,
Где из груди утесов клокочущий бьет водопад, —
Я оттуда пришел, где рождаются бурные реки.

Я оттуда пришел, где Масис снежнотронный царит,
Обручая луну со звездю на тверди вечерней,
И, порфирию снежной горя, возлиянье творит,
Словно древний Тигран, торжествуя на свадьбе
дочерней, —
Я оттуда пришел, где Масис снежнотронный царит.

Я оттуда пришел, где орлы на подножьях Звартноца
Араратской лозы виноградной агат сторожат,
Где вино огневое струею могучею льется,
Где вечерние росы на гроздьях, как слезы, дрожат, —
Я оттуда, где дремлют орлы на подножьях Звартноца.

Я оттуда пришел, где в цветении тонут сады,
Подымая плоды золотые, как чаши на пире.
И ветвями, как крыльями, вея, при свете звезды,
Под задумчивый бубен танцуют, как девы Наири,—
Я оттуда пришел, где в цветении тонут сады.

Я оттуда, где ветер нагорий мне матерью был,
Колыбельную пел мне, баюкал меня под чинарой,
И тростник в золотую пастушью свирель превратил,
И навеки мой дух погрузил в свои звучные чары,—
Я оттуда, где ветер нагорий мне матерью был.

Зимняя песня

Вновь скакуны крылатые зимы
По белым пажитям стремят свой бег,
По голубым мостам хрустальных рек,
По рощам, полным снов и полутьмы.

Любуемся опять с тобою мы,
Как по ветру клубятся гривы их,
Дубы в косматых бурках снеговых,
Как всадники, усеяли холмы.

Мир опочил в чертоге ледяном,
И, как серебряная колыбель,
Поля в ночи баюкает метель,
Где всходы спят блаженным детским сном.

Пышней цветите, лилии снегов!
Пусть будет сладок сон живых ростков!

В голубых горах Карабаха

Когда я умру — простому костру,
Живому огню предайте мой прах,
Развейте его на быстром ветру,
Чтоб в синих горах твоих, Карабах,
Я вечно витал, — хотя и умру!

Пускай на волну бушующих вод,
На стершийся след младенческих лет,
На зелень и цвет пастушьих высот
Туманной росой мой пепел падет,
Алмазом блеснет, встречая рассвет.

Чтоб так же, как я при жизни любил
Фиалками дышащие луга
И тонущие в купели светил
Могучих вершин седые снега, —
Чтоб так же свой прах я в них растворил!

В долину паду прохладой ночной,
Помчусь по камням, как пенный ручей,

И жаворонком веселым весной
Взовьюсь, зазвеню над ширью полей
И — в жатву — у ног пшеницы златой.

Когда я умру — простому костру,
Живому огню передайте мой прах,
Развейте его на быстром ветру,
Чтоб в синих горах твоих, Карабах,
Я вечно витал, — хотя и умру!

Лирическое сказание

ПРОЛОГ

Я — источник, бегущий по синему склону Немрута,
Я родился на чистых снегах высоты,
Что подтаяли, ветром весны залиты...
Я — источник, бегущий по синему склону Немрута.
Путник, влаги испей из потока, что падает круто
И немолчно шумит под крылом темноты!
Я — источник, бегущий по синему склону Немрута,
Порожденный на чистых снегах высоты.

Пели прежде сказанья гусаны Гохтана,
Что родился Ваагн* среди моря огня —
Златокудрый, глаза—как сияние дня.
Пели прежде сказанья гусаны Гохтана,
По глухим тростникам, по волнам океана
Устремился он, сумрака войско тесня.
Пели прежде сказанья гусаны Гохтана,
Что родился Ваагн среди моря огня.

* Ваагн—бог огня у древних армян.

Кружево каменное Ахтамара мне о Давиде вещало,
Волн набегающих Вана мне пели уста.
Сколько жестоких боев ты видала, гора Марута!..
Кружево каменное Ахтамара мне о Давиде вещало.
Сердце сказаниям древним, как сказке волшебной,
внимало,
Где соловья Азарана звенящая песнь разлита.
Кружево каменное Ахтамара мне о Давиде вещало,
Волны Вана шептали о подвигах, словно уста.

Легковейный, нежный ветер гор,
Смутный отзвук материнской песни.
Край родной, что есть тебя чудесней!
Аромат полей и ветер гор...
О родник, бегущий на простор,
Вестник жизни, навсегда мы вместе.
Легковейный, нежный ветер гор,
Смутный отзвук материнской песни.

Древний сказ о Давиде вы несли, шерстобиты,
От селенья к селению, из дому в дом.
На дорогах скитанья, на пути вековом
Древний сказ о Давиде прогремел, шерстобиты.
И ворота почета перед вами открыты,
Стал Давид вашей славой и судьбой и щитом.
Древний сказ о Давиде вы несли, шерстобиты,
По кочевьям, селениям, из дому в дом.

Народ мой, сказанья твои кочевали с тобой
В дни бедствий кровавых, на дальних распустьях
изгнанья.
Бело тебя в даль незнакомых созвездий сиянье,
Седые сказанья твои кочевали с тобой.

Заветом твоим они были, надеждой живой,
На дальних безвестных путях рокового скитанья...
Народ мой, сказанья твои кочевали с тобой
В дни бедствий кровавых, на темных распутьях
изгнанья.

В сотнях давлен давят опять виноград
Люди моей Наири босыми ногами.
Сок золотой, все искристей и гуще с годами...
В сотнях давлен давят у нас виноград.
Свадьбы мы празднуем — целую осень подряд,
Будто Севан широкими плещет волнами.
В сотнях давлен давят златой виноград
Люди моей Наири босыми ногами.

СОДЕРЖАНИЕ

Из эпоса «Давид Сасунский»

Бой Давида с Мсра Меликом

Военный клич Мсра Мелика	3
Сон матери Мелика	6
Дядья напаивают Давида	8
Давид узнает о нападении Мелика	10
Давид идет сражаться за Сасун	15
Давид пьет из молочного источника	19
Давид вступает в бой с войсками Мсра Мелика	23
Мелик заманивает Давида в западню	26
Клич Ована	29
Бой	33
Возвращение Давида	41

Мовсес Хоренаци (V век)

Война Гайка с Бэлом	45
-------------------------------	----

Лазар Парпеци (V век)

Айраратская долина	50
------------------------------	----

Ованес Тумаян

Предки	56
Старая война дома	57
Старая война в стране	69
Пророчество	77

Аветик Исаакян

Моей родине	78
«Мой дух был грозю»	79
Моей родине	80
«Ветер бьется о мой порог»	81
«В далеких горах»	82
Из «Песни первой»	83
«Дни милые весны»	86
Вечная любовь	88
«Что слава»	92

Ваан Терян

Из цикла «Терновый венец»	93
«Века, века уйдут»	94

Ованес Шираз

Сиаманто и Хчезаре (поэма)	95
--------------------------------------	----

Ашот Граши

Там, где рождаются реки	106
Зимняя песня	108
В голубых горах Карабаха	109
Лирическое сказание	111

Владимир Васильевич Державин

«ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ»
ПЕРЕВОДЫ

Редактор **М. Э. Кузаннян**

Художник и худ. редактор **Ан. В. Гаспарян**

Техн. редактор **К. Г. Саркисян**

Контрольный корректор **Р. Т. Мальцева**

Сдано в набор 21/III 1971 г. Подписано к печати 22/III 1972 г.

Бумага типографская № 1, 70×108¹/₃₂. Печ. 3,62 л. = 5,07 усл. печ. л.

Уч.-изд. 4,1 л.

ВФ 07615. Заказ 1631. Тираж 3000. Цена 24 к.

Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Типография № 1 полиграфпрома Госкомитета Совета Министров

Арм. ССР по печати Ереван, ул. Алавердяна, 65